

Принц Отто

Автор:

Роберт Стивенсон

Принц Отто

Роберт Льюис Стивенсон

В историческом романе «Принц Отто» романтика приключений сочетается с точным воссозданием местного колорита и исторической обстановки.

Роберт Луис Стивенсон

Принц Отто

[1 - Стивенсон работал над романом «Принц Отто» с перерывами начиная с 1873 г., – больше и, во всяком случае, дольше, чем над любым другим своим романом. По свидетельству биографов, он много раз откладывал книгу, снова к ней возвращался, переписывал некоторые пассажи по девять-десять раз, писал в Калифорнии, Шотландии, Швейцарии и Англии, но так и не добился успеха. В конце концов роман был опубликован в 1885 г. Действие романа перенесено в вымышленное, опереточно бутафорское государство Грюневальд. По идее автора игрушечное государство должно было стать трагикомическим фоном для личности значительной и незаурядной, составить по отношению к ней контраст одновременно смешной и печальный. Однако и читатели и критики не приняли «Принца Отто» и безоговорочно отнесли его к неудачам автора. Мнение это в значительной степени справедливо: исполнение действительности не возвысилось до уровня честолобивого авторского замысла представить важнейшие проблемы политической и общественной жизни в отвлечении от принижающих и обесцвечивающих обстоятельств английской действительности второй половины XIX в.]

Посвящение

Нелли вон дер Хрифт

(мистрис Адульфо Санчец из Монтерея)

Наконец-то, после стольких долгих лет, я имею удовольствие снова представить вам моего «Принца Отто», которого вы, вероятно, помните еще совсем крошечным, не больше тех нескольких листков заметок, которые были написаны для меня вашим милым почерком. Увидев это имя, вы, вероятно, перенесетесь мысленно в старый деревянный дом, снизу доверху обвитый ползучими растениями и вьюнками и представлявшийся неразлучным с тем запущенным густым садом, среди которого он, казалось, вырос, как в лесу вырастает гриб; а между тем в молодости этот дом был смелым мореплавателем, и в свое время он обогнул мыс Горн, конечно, в разобранном виде, во чреве, то есть в трюме, корабля, где он слышал над собой и топот ног, и крики матросов, и призывный свисток боцмана, и иногда даже громовой голос командира. Оно напомнит вам и неопикуемых бесчисленных обитателей этого дома, теперь рассеявшихся в разные стороны: двух лошадей, собаку, четырех кошек и котят, из которых один, другой, а быть может и несколько, заглядывают даже теперь вам в глаза, в то время как вы читаете эти строки; и бедную даму, столь несчастливо сочетавшую свою жизнь с автором этих строк; и маленького китайчика, который теперь, быть может, насаживает червя на свою удочку где-нибудь на берегу реки в стране цветущих садов; а главным образом оно напомнит вам того шотландца, который тогда был при смерти, как все полагали, и для которого вы так много сделали, неустанно поддерживая в нем бодрость духа и стараясь заставить его вести себя как подобает.

Вы, я думаю, должны еще помнить, что он был преисполнен непомерного честолюбия и множества самых смелых планов, которые он собирался осуществить, как только к нему вернется здоровье; вы, вероятно, не забыли, что он собирался заработать целое состояние, что он должен был отправиться в дальнее путешествие, должен был испытать и пережить и заставить других испытать и пережить вместе с ним бесчисленные восторги, и в том числе создать настоящий шедевр из «Принца Отто».

Я не могу согласиться с тем, что мы окончательно разбиты по всем пунктам. Нет! Помните, мы тогда вместе с вами читали историю Брэддока? Припомните то место, где его, умирающего, приносят с поля сражения, на котором он потерпел жестокое поражение, и он дает себе слово впредь поступать умнее и лучше. Это место всегда будет трогать мягкие благородные сердца, и они с умилением будут читать трогательную предсмертную речь злополучного героя, достойную более счастливого полководца. Я напомнил вам об этом, потому что я тоже стараюсь подражать Брэддоку: я все еще надеюсь вернуть себе здоровье, и все еще намереваюсь и мечтаю, не так – так эдак, создать, если не в этой, то в следующей моей книге, настоящий шедевр, поистине образцовое произведение, которым я остался бы вполне доволен, и все еще надеюсь, не теперь, так после, увидеть еще раз ваше дорогое лицо и пожать вашу милую ручку.

А тем временем этот маленький бумажный странник, этот смелый маленький путешественник отправляется вместо меня в дальний путь через безбрежный океан, через доли, через горы и, совершив весь свой длинный путь, дойдет наконец до ваших дверей и принесет вам мой сердечный привет в Монтерей. Примите его, прошу вас, ведь он пришел к вам, этот маленький бумажный вестник, из дома, где, как и у вас, собраны кое-какие забытые обломки нашей милой совместной жизни в Окленде; из дома, где, несмотря на его чужестранное название и на его отдаление, вы горячо любимы.

Р. Л. С.

Часть первая

Принц Отто

Глава 1

Принц отправляется искать приключения

Вы напрасно стали бы искать на карте Европы исчезнувшее с лица земли маленькое государство Грюневальд, минимальную частичку Германской империи, независимое княжество, игравшее в продолжение нескольких столетий свою маленькую роль в раздорах европейских держав и в конце концов, когда пробил его час, благодаря умствованиям нескольких лысых дипломатов исчезнувшее бесследно, как ночной призрак поутру. Менее счастливое, чем Польша[2 - Менее счастливое чем Польша... - Имеется в виду более чем на 100 лет исчезновение Польши как государства в результате трех разделов Польши в конце XVIII в.], оно не оставило по себе ни славы, ни сожалений, и даже сами границы его стерлись и забылись.

Это была страна холмистая, почти сплошь поросшая густым зеленым лесом. Многие реки брали здесь свое начало. В зеленых долинах Грюневальда они вращали множество мельниц для счастливых жителей этой страны, в которой был всего только один город и множество живописных деревень, селений и деревушек, раскинувшихся повсюду, по долинам и по холмам, сползая по их крутым склонам так, что крыши домов громоздились одна над другой в несколько ярусов. Сообщение между городом Миттвальденом и многочисленными деревушками и селениями поддерживалось с помощью высоких крытых мостов, перекинутых через большие, глубокие и бурливые потоки и реки. Шум водяных мельниц, плеск и рокот стремительно бегущих вод, живительный запах свежих сосновых опилок, тихий шелест и аромат, приносимый на крыльях легкого ветерка, дувшего между рядов бесчисленной армии горных сосен, догорающий костер, разведенный охотниками, глухой стук топоров дровосеков, работающих в лесу, непригодные для езды дороги и свежая форель, только что пойманная в реке на ужин, и этот ужин в пустынной, опрятной, но несколько темной зале деревенской гостиницы, несмолкаемый щебет и пение птиц и тихий вечерний звон колоколов деревенских церквей – вот те воспоминания, какие увозил из Грюневальда путешественник, побывавший в этом лесистом уголке Европы.

И к северу, и к востоку холмы Грюневальда разнообразными мягкими склонами и живописными уступами спускались в большую, беспредельную, казалось, долину соседних государств: Грюневальд граничил со многими мелкими немецкими княжествами и герцогствами, в том числе и с безвременно угаснувшим великим герцогством Герольтейн. С юга же Грюневальд соприкасался с землями сравнительно сильного и могущественного королевства Приморской Богемии, славившейся своими цветами и горными медведями и населенной народом, отличающимся странной, удивительной простотой и нежностью сердечной. Целый ряд перекрестных браков сблизил и сроднил царствующие роды

Грюневальда и Приморской Богемии, и последний принц Грюневальда, историю которого я намереваюсь рассказать в этой книге, происходил от Пердиты, единственной дочери короля Флоризеля I Богемского. Эти частые перекрестные браки, несомненно, смягчили характер, нравы и вкусы грубой мужественной породы первых властителей Грюневальда, и это возбуждало неодобрение всего населения. Горные угольщики, дровосеки, пильщики, обладатели широких топоров и широких ртов, жившие среди темных могучих сосен грюневальдских лесов, гордившиеся своими жилисто-мозолистыми руками, здоровыми кулаками и мощными плечами, а также и своим грубым невежеством, которое они считали древней мудростью, смотрели с нескрываемым презрением на мягкость характера, на деликатную сдержанность и ласковость обхождения представителей их царствующего рода и питали затаенную злобу против своих государей.

В каком именно году христианской эры начинается наш рассказ, я предоставляю догадаться читателю; что же касается времени года, что в данном рассказе является несравненно более важным, чем точность даты, то я скажу, что весна шагнула уже так далеко вперед, что горные жители Грюневальда, слыша с раннего утра и до поздней ночи звуки охотничьих рогов в северо-западной части княжества, говорили: «Верно, сегодня принц Отто и его охота выехали в последний раз в поле до наступления осени».

На северо-западной границе Грюневальда горы и холмы круто обрывались в долину и местами представляли собой совершенно неприступные скалы и утесы. Эта дикая местность являлась резкой противоположностью прекрасной, тщательно обработанной равнине, лежащей у подножия этих гор. В ту пору в этой местности пролегли всего две дороги; одна из них – имперский тракт, полого спускавшийся по самым отлогим склонам, идущий прямо на Бранденау в Герольштейне, другая – пролежавшая по самому гребню гор, извивавшаяся между скал, спускавшаяся местами в глубокие ущелья и овраги, местами вся мокрая от брызг бесчисленных мелких водопадов и то тут, то там пересекающих ее ручьев. Эта дорога вела мимо большой старинной башни или замка, стоящего высоко на горе, на самом краю высокого скалистого утеса, с которого открывался обширный вид на всю пограничную линию грюневальдских владений и на кипящую трудовой жизнью равнину Герольштейна. Фельзенбург, так назывался этот замок или башня, временами служил тюрьмой и местом заточения, а временами – мирным охотничьим замком. Несмотря на то, что он стоял так уединенно среди диких неприступных скал, затерянные в глуши бюргеры Бранденау со своей обсаженной липами террасы, куда они выходили гулять по вечерам, могли с помощью небольшой подзорной трубы сосчитать

окна в этом замке.

В той части лесистых холмов Грюневальда, которая врезалась клином между двумя дорогами, весь день не переставая трубили рога, слышался лай собак и звуки голосов, внося шум и оживление в лесные чащи этих зеленых холмов. Но когда солнце начало клониться к горизонту, торжествующие, радостные крики возвестили о том, что охотникам наконец удалось затравить зверя. Спустя немного охотники, стоявшие на номерах первый и второй, отскакав от места сборища, с вершины небольшого пригорка стали внимательно вглядываться в даль во всех направлениях. Чтобы лучше видеть, они прикрывали глаза рукой, защищая их от солнца, которое теперь опустилось уже совсем низко и светило им прямо в лицо. Впрочем, на этот раз величественный закат дневного светила казался более бледным сквозь частую сетку ветвей еще обнаженных, не одевшихся листвой тополей, и сквозь облака дыма, медленно струившегося из печных труб жилых домов, в которых теперь всюду готовили ужин, и сквозь прозрачную дымку вечерних паров, поднимавшихся с полей. И на фоне этой прозрачной дымки и бледного заката крылья ветряной мельницы, стоящей на вершине одного из холмов, двигались бесшумно и лениво, как сквозь сон, точно длинные уши мула или осла. Тут же, подле мельницы, точно шрам по лицу зеленых холмов, тянулась прямая, как струна, широкая проезжая дорога, прямо в направлении низко опустившегося солнца.

Есть в природе еще одна многим людям знакомая песня, которую люди еще до сих пор не переложили на свою музыку, – это песнь, манящая человека странствовать по свету, песнь, так властно звучащая в душе цыган и некогда громко звавшая наших отдаленных предков вечно кочевать и искать новые страны. В этот момент и в это время дня и в это время года весь окрестный пейзаж и все в природе трогательно сливалось в один общий призывный аккорд. Высоко в воздухе плавно неслись на север и на запад стаи перелетных птиц; они пролетали над Грюневальдом целыми роями черных точек, едва уловимых для глаза там, в вышине, а тут, внизу, туда же, в неизвестную, беспредельную даль бежала и широкая, ровная, бесконечная, как казалось, дорога.

Но двум всадникам, остановившимся на вершине пригорка, эта песня была не слышна; может быть, потому, что оба они были чем-то, видимо, сильно озабочены. Они внимательно вглядывались в каждую ложбинку между холмов, в каждую просеку или прогалину в лесной чаще, и при этом их лица и движения выражали не то гнев, не то досаду и нетерпение.

– Воля твоя, но я нигде его не вижу, Куно! – сказал первый охотник. – Он даже следа не оставил; ну хоть бы волос из хвоста его белой кобылы!.. Как видно, выждал удобную минутку, да и утек!.. А теперь ищи ветра в поле! Его теперь с собаками не сыщешь!..

– Может быть, он домой уехал, – заметил Куно, но в его тоне не было уверенности.

– «Домой»! – воскликнул первый охотник. – Полно! Можешь благодарить Бога, если он через двенадцать суток домой вернется! Нет, брат, раз уж это у него началось, так уж, верно, то же самое будет, что три года назад, перед его женитьбой. Запропадет бог весть куда, с собаками не найдешь, словно цыган какой; позор, да и только! И это прирожденный принц! Прирожденный самодур какой-то, прости господи!.. Глянь, вон оно, наше правительство-то! Мчится на своем белом коне прямо через границу!.. Впрочем, нет, я, кажется, ошибся!.. Да все равно, только я даю тебе слово, что я дал бы больше за английскую гончую или хорошего полукровка мерина, чем за твоего принца Отто!

– Да он вовсе не мой Отто, – пробурчал Куно.

– Если так, то я, право, не знаю, чей он! – возразил насмешливо собеседник.

– Полно, ты положил бы за него руку в огонь, – сказал Куно.

– Я?! – воскликнул первый охотник. – Я желал бы увидеть его на виселице! Я грюневальдский патриот, я числюсь в рядах территориальной армии и имею медаль, и чтобы я встал на защиту Отто! Никогда! Я стою за свободу.

– Да-да... это мы знаем, – сказал Куно. – Но скажи при тебе кто-нибудь другой то, что ты сейчас сказал, ты бы упился его кровью – и ты это отлично знаешь.

– У тебя все только он на уме, – огрызнулся собеседник. – Да вон он скачет! Смотри!

Действительно, на расстоянии мили от холма спускался под гору всадник на белом коне. Он быстро проскакал по открытому месту и минуту спустя скрылся из виду в густой чаще леса по другую сторону оврага.

– Через четверть часа он будет по ту сторону границы, в Герольштейне, – сказал Куно. – Как видно, он неизлечим!

– Но если он загонит эту кобылу, я ему этого никогда не прощу! – сердито заявил первый охотник, подбирая поводья.

В тот момент, когда они оба повернули своих коней и стали спускаться с пригорка с тем, чтобы присоединиться к остальным товарищам-охотникам, солнце окончательно скрылось за горизонтом и леса мгновенно как бы потонули в серой мгле наступающей ночи.

Глава 2

Принц разыгрывает Гаруна аль-Рашида

[3 - Гарун аль-Рашид (763–809) – багдадский халиф с 786 г; типичный восточный деспот: мелочный, завистливый, жестокий. Персонаж «1001 ночи».]

Ночь окутала своей мглой леса и застигла принца, в то время как он пробирался по поросшим травой тропинкам той части леса, что раскинулась в долине. Хотя звезды одна за другой зажигались у него над головой и при их трепетном свете стали ясно видны бесконечные ряды верхушек высоких сосен, ровных и темных, как могильные кипарисы, слабый свет мигающих звезд не мог принести большой пользы запоздалому путнику в густой чаще леса, и принц поскакал вперед наугад. Мрачная красота окружающей его природы, неизвестный исход его пути, открытое звездное небо у него над головой и свежий лесной воздух восхищали и веселили его, как вино; а глухой плеск реки слева от него звучал в его ушах, как тихая мелодия.

Было уже больше восьми часов вечера, когда старания его выбраться на дорогу увенчались наконец успехом, и он выехал из леса на прямую белую большую проезжую дорогу. Дорога впереди спускалась под гору, слегка уклоняясь на восток и как бы светясь между темными чащами кустов и деревьев. Отто придержал коня и стал глядеть на дорогу; она уходила милью за милей все дальше и дальше, все такая же белая, ровная и прямая; ее пересекали или к ней

подходили еще другие такие же дороги, и так до самого края Европы, где извиваясь по самому берегу моря, а где пролегая через залитые светом многолюдные города. И бесчисленная армия пеших и конных путников вечно движется по ним то в том, то в другом направлении, во всех странах, как будто все они движимы одним общим импульсом, и в данный момент все они, все эти путники, точно по общему уговору, спешат или плетутся к дверям гостиниц и ищут приюта для ночлега. Целые вереницы подобных картин зарождались и мгновенно исчезали в его воображении; то был прибой искушения. Кровь прилиwała к голове, и как будто что-то могучее, манящее подымалось в нем, в его груди или в его душе – он не мог разобраться, – и побуждало его всадить шпоры в бока скакуна и нестись вперед, к неизведанному, вперед без оглядки. Минута, и это настроение прошло; голод и усталость давали о себе знать, и привычка к полумерам во всех наших действиях и поступках, эта половинчатость во всем, если можно так выразиться, которую мы обыкновенно величаем здравым смыслом или рассудительностью, взяли верх, предъявив свои права и в данном случае, и принц не без удовольствия остановил свой взгляд на двух светящихся среди мрака, слева от него, между дорогой и рекой, окнах какого-то жилья.

Принц свернул на проселок и спустя несколько минут уже стучал рукояткой своего хлыста в дверь большого двухэтажного дома фермера; целый хор свирепо залаявших собачьих голосов был ответом на его стук. Затем в приотворившейся двери показался и вышел на крыльцо очень высокий седовласый старик с зажженной свечой, которую он заслонял от ветра рукой. Видно было, что в свое время он обладал недюжинной силой и был весьма красивый и видный из себя человек; но теперь он немного сгорбился и вообще сдал: зубов у него совершенно не было, а голос его, когда он говорил, часто ломался и звучал фальцетом.

– Простите меня, – сказал Отто, – я путешествую, и места эти мне совсем незнакомы; я заблудился, как видно, потому что сбился впотьмах с дороги.

– Вы сейчас у Речной фермы, сударь, может быть, вы слышали, а ваш слуга покорный, что стоит теперь перед вами, Киллиан Готтесхейм, готов служить вам чем возможно, – степенно проговорил старик своим дрожащим голосом. – Мы здесь находимся в шести милях расстояния как от Миттвальдена в Грюневальде, так и от Бранденау в Герольштейне; дорога в обе стороны превосходная, но на всем этом протяжении вы не встретите ни одной корчмы или пивной лавчонки, и вам придется воспользоваться моим гостеприимством на эту ночь. Не могу вам

предложить ничего достойного вас, сударь, но то, чем я богат, я предлагаю вам от души, потому что у нас говорят: «Гость в доме – Бог в доме!» – И при этом он почтительно поклонился своему гостю, предлагая ему войти.

– Аминь, – произнес Отто, отвечая на поклон старика, – сердечно благодарю за радушие.

– Фриц! – крикнул старик, обращаясь к кому-то в горнице. – Отведи лошадь этого господина в конюшню, а вы, сударь, соблаговолите войти.

Отто вошел в большую просторную комнату, занимавшую почти весь нижний этаж дома; вероятно, некогда она была разделена на две комнаты, потому что пол одной ее половины значительно возвышался над полом другой половины, так что ярко пылавший в камине огонь и накрытый белой скатертью стол, на котором был приготовлен ужин, находились как бы на эстраде. Кругом по стенам стояли все темные дубовые с медными скрепами и скобами шкафы и комоды; темные дубовые полки были уставлены старинной глиняной и фаянсовой посудой; под ними красовались развесистые олени рога, охотничьи ножи и ружья, картины на сюжеты старых баллад висели тут и там на стенах; высокие часы с розами на циферблате стояли гордо между двух комодов, а в одном из углов заманчиво приютилась на своих дубовых подставках бочка с вином, сияя своими медными обручами. Все в этой большой горнице с низким темным потолком было уютно, красиво, оригинально и до чрезвычайности опрятно.

Рослый здоровый парень поспешил заняться чистокровной кобылой гостя, а Отто, после того как старый Готтесхейм познакомил его со своей дочерью Оттилей, также прошел в конюшню взглянуть на свою лошадь, как и подобает хотя не принцу, но каждому хорошему наезднику. Когда он вернулся обратно, прекрасная дымящаяся яичница и изрядное количество больших ломтей копченой баранины ожидали его; затем последовало вкусное заячье рагу и сыр. Только после того как гость утолил свой голод и все маленькое общество перешло к камину и расположилось у огня в приятной компании, со стаканами доброго виноградного вина, изысканно любезный и благовоспитанный хозяин позволил себе наконец обратиться с вопросами к своему гостю.

– Вероятно, вы едете издалека, сударь? – спросил он.

– Да, я проехал немало миль сегодня, – сказал Отто, – и, как вы видели, проголодался порядком. Я съел почти все, что было на столе, и, можно сказать, вполне оценил превосходную стряпню вашей дочери.

– Я полагаю, что вы едете из Бранденау? – продолжал старик.

– Да, совершенно верно, – подтвердил Отто, – и, если бы я не проблуждал так долго в лесу, я, вероятно, ночевал бы сегодня в Миттвальдене, – добавил он, приплетая кусочек истины ко лжи, как делают почти все лжецы.

– Вы, вероятно, едете по делу в Миттвальден? – последовал новый вопрос.

– Нет, я еду просто из любопытства – я никогда еще не бывал в княжестве Грюневальд.

– Приятная, сударь, прекрасная страна! – воскликнул старик, одобрительно кивая. – Прекрасная природа и превосходная порода и сосен и людей. Мы здесь считаем себя тоже как бы грюневальдцами, потому что живем, так сказать, на самой границе, и вода у нас в реке настоящая грюневальдская, и воздух у нас тоже грюневальдский, лесной. Да, сударь, прекрасная эта страна, доложу вам, и народ какой богатырский! Ведь любой грюневальдец шутя станет вертеть над головой тот топор, который многие герольштейнцы и поднять-то не в силах будут! А леса-то какие! Сосны-то!.. В этом маленьком государстве этих чудесных сосен больше, чем людей на целом белом свете. Уже лет двадцать прошло с тех пор, как я в последний раз был по ту сторону границы, ведь в старости-то все мы становимся домоседами. Но как сейчас помню, на всем протяжении пути отсюда до самого Миттвальдена, куда ни глянь, по обе стороны дороги все сосны да сосны, все лес да лес! А воды-то сколько! Речки и потоки на каждом шагу!.. Мы вот здесь как-то продали небольшой клочок леса, тут, у самой дороги, и я, глядя на грудку чеканной монеты, полученной мной за этот лес, мысленно стал прикидывать, сколько можно было бы выручить денег за все сосны Грюневальда, если б их продать...

– А принца Грюневальдского вы, я полагаю, никогда не видели? – заметил Отто.

– Никогда, – ответил за старика молодой парень, – да мы и не желаем.

– А почему? Разве он до такой степени нелюбим? – спросил Отто.

– Не то чтобы нелюбим, – сказал старик, – а презираем всеми.

– В самом деле? – с усилием выговорил принц.

– Да, сударь, это сущая правда, и я добавлю, справедливо презираем! Ведь ему так много всего дано, а что он со всем этим делает? Охотится да рядится, как кукла, что для мужчины вовсе даже и неприлично. Еще в комедиях участвует, а если он еще что-нибудь, кроме этого, делает, то о том до нас слухи не доходят.

– Но ведь все это, в сущности, невинные удовольствия, – заметил Отто. – Что же вы хотите, чтобы он делал? Воевал, что ли?

– Нет, сударь, – возразил старик. – Вот я пятьдесят лет как поселился на этой ферме, и я работал здесь изо дня в день; я пахал, и сеял, и собирал, и вставал до света, и ложился затемно, и вот все эти годы ферма эта кормила меня и мою семью и была моим лучшим другом, если не считать мою покойную жену. А теперь, когда мое время прошло, я передам ее другому в лучшем виде, чем я ее принял. И так всегда бывает, если человек усердно делает свое дело; он зарабатывает себе кусок хлеба, и Господь благословляет его труд, и все, за что он берется, преуспевает. И мне думается, что если бы принц захотел трудиться, сидя на своем троне, как я трудился у себя на ферме, то и он увидел бы преуспевание и благоденствие своей страны и заслужил бы любовь своего народа.

– И я так думаю, – сказал Отто, – но сравнение ваше не совсем правильно, потому что жизнь фермера простая, натуральная, а жизнь принца всегда искусственная и чрезвычайно сложная. Нетрудно поступать хорошо, будучи фермером, но очень трудно не поступать дурно, будучи принцем. Предположим, что ваши всходы побил градом – вы набожно склоните голову и скажете: такова воля Божья! И всякий вас похвалил бы за это; но если принца в чем-либо постигнет неудача, то всякий будет порицать его за неудавшуюся попытку. И мне думается, что если бы все государи Европы ограничивались одними безобидными развлечениями, то их подданным от этого жилось бы не хуже, а даже лучше.

– Э, да ведь вы, пожалуй, правы! – воскликнул Фриц. – И я вижу, что вы, как и я, добрый патриот и враг всех принцев.

Подобный вывод несколько изумил Отто, и он постарался перевести разговор на другую тему:

– Вы меня очень удивили тем, что я слышу от вас об этом принце; я слышал о нем лучшие отзывы от других; мне говорили, что он добр, и мягок, и справедлив, и что если он делает кому зло, то разве только самому себе.

– Да так оно и есть! – горячо воскликнула девушка. – Он такой красивый, такой приятный принц, и я знаю, что есть такой человек, который готов пролить за него свою кровь до последней капли.

– Этот глупец и невежда Куно! – фыркнул Фриц.

– Да, конечно, Куно, – сказал старик. – Этот Куно – один из егерей принца, и, если это вас интересует, – обратился он к гостю, – я могу рассказать вам эту историю, потому что вы здесь человек чужой и никому об этом передавать не станете. Куно – человек грубый, невоздержанный и невежественный, словом, настоящий грюневальдец, как мы здесь говорим! Мы его знаем хорошо, потому что он не раз заезжал сюда разыскивать своих собак после охоты, а я, сударь, охотно принимаю у себя всех людей без различия их состояния, положения и национальности. К тому же между Грюневальдом и Герольштейном так давно царит мир, что граница между ними существует лишь на бумаге; на самом же деле путь из одного государства в другое открыт для каждого, как двери моего дома, и люди обращают здесь столько же внимания на эту границу, как те птицы, что летят по небу высоко над землей.

– Да, – сказал Отто, – мир между этими соседями длится уже многие века.

– Именно века, как вы изволили сказать, – подтвердил старик, – вот потому-то было бы еще более обидно, если бы этот мир вдруг оказался нарушен. Но я начал рассказывать о Куно. Этот Куно как-то раз провинился, и Отто, который очень горяч и вспыльчив, схватил хлыст, да и давай его хлестать. Проучил он его порядком. Куно, конечно, терпел сколько мог, но наконец его прорвало, и он крикнул принцу, чтобы он бросил хлыст и померился бы с ним силой в рукопашном бою! Мы все здесь страстные борцы, и борьбой мы решаем обыкновенно все наши распри. И что же вы думаете, сударь? Отто его послушался; но так как он тщедушное, изнеженное существо, то где же ему было справиться с этим парнем, и егеря, которого он только что хлестал

арапником, как какого-нибудь невольника-негра, сразу перекинул его через голову и заворотил ему салазки!

- Одни говорят, что Куно сломал ему левую руку, а другие - что он переломил ему нос. Ну и поделом ему! - крикнул Фриц. - Как сошлись они один на один в равном бою, так сразу видно стало, который из них двоих лучше!

- Ну и что же было дальше? - спросил Отто.

- Куно бережно отнес его домой, и с той поры они стали друзьями. Заметьте, что я отнюдь не говорю, что в этой истории есть что-нибудь постыдное для принца, но она забавна, а это главное! Только мне кажется, что, прежде чем начать бить человека, ему следовало бы подумать. Сразиться в честном бою один на один, как сказал мой племянничек, - вот что называлось в доброе старое время помериться силой и что давало человеку настоящую оценку в глазах остальных.

- Да, так было прежде, но теперь людей ценят не за силу в кулачном бою, и, если бы вы спросили моего мнения, я сказал бы вам, что в данном случае победил принц.

- И вы, пожалуй, правы, сударь. Перед лицом Божиим оно, конечно, так, но здесь люди смотрят на дело иначе, они смеются над принцем Отто, которого победил его егерь, - сказал Готтесхейм.

- Про это даже песню сложили, - вставил Фриц, - я только не припомню сейчас, как она начинается.

- Вот как, - промолвил Отто, не имевший ни малейшего желания слышать эту песню. - Но ведь принц молод, он может стать другим человеком, может осознать свои недостатки.

- Ну, не так уж молод, позвольте вам заметить! - крикнул Фриц. - Ему уж под сорок!

- Тридцать шесть, - поправил его Готтесхейм.

– О! – воскликнула Оттилия, видимо разочарованная. – Это уже человек средних лет! А мне говорили, что он такой красивый, такой молодой!

– Он лысый! – злобно вставил Фриц.

При этих его словах Отто невольно провел рукой по своим густым кудрям. Он чувствовал себя далеко не счастливым в этот момент, и даже скучные, тоскливые вечера во дворце в Миттвальдене казались приятными по сравнению с настоящими минутами.

– Тридцать шесть лет – это еще не так много, – запротестовал он. – В эти годы мужчина еще нестар. Мне тоже тридцать шесть лет.

– Я полагал, что вам больше, сударь, – сказал старик. – А если так, то вы ровесник с «господином Оттохен», как зовет его народ. Но я готов поставить крону, что вы за свою жизнь больше послужили на пользу людям, чем он. Хотя ваши года можно еще, пожалуй, считать молодыми, особенно по сравнению с моими, но все же это уже порядочный отрезок человеческой жизни. В это время уже пройдена значительная часть дороги, и только дураки пустоголовые думают, что в эти годы можно начинать жизнь! Начинать тогда, когда они уже начинают чувствовать усталость, и скуку, и смутную угрозу близящейся старости. В тридцать шесть лет настоящий человек, живущий по-божески, должен иметь свой очаг, должен иметь определенную профессию или занятие, должен составить себе известную репутацию, заслужить уважение сограждан, быть чем-нибудь настоящим и иметь чем жить и чем содержать семью. В эти годы он должен уже иметь жену и, если Бог благословит его союз, детей, и слава дел его должна следовать за ним.

– Что ж, принц жену имеет! – крикнул Фриц и громко расхохотался при этом.

– Почему же вам это кажется столь забавным? – спросил Отто.

– Да неужели же вы и этого не знаете? Я думал, что об этом вся Европа знает! – воскликнул молодой крестьянин.

– Да, сударь, сейчас видно, что вы не здешний, – сказал старик, – иначе вы бы знали, как это знают все кругом, что вся эта княжеская семья и весь двор – развратники и бездельники, каких хуже нет! Живут они в праздности и сытости,

и естественным следствием того и другого является распутство. Принцесса обзавелась любовником, который именуется бароном. Это какой-то выходец из Восточной Пруссии. А принц на все закрывает глаза и, как говорят, даже потекает ей. Ну разве это муж! Разве это мужчина!.. И это еще не все. Хуже всего то, что этому чужеземцу и его возлюбленной предоставлено вершить все государственные дела, а принц берет с народа деньги и дает всему пропадать. Поверьте мне, не добром все это кончится; придется ему держать ответ за свои дела, и хотя я стар, а пожалуй, и я еще доживу до этого времени.

– Нет, дядюшка, насчет Гондремарка ты не прав! – воскликнул Фриц, проявляя сильное возбуждение. – Во всем остальном я с тобой вполне согласен, ты говоришь как настоящий патриот. Что же касается принца, то, если бы он взял и задушил свою жену, я бы многое простил ему за это!

– Нет, Фриц, – возразил старик, – это значило бы прибавить несправедливость ко всему остальному, потому что, видите ли, сударь, – пояснил он, обращая снова к своему гостю, – этот Отто сам во всем виноват. Он взял себе молодую жену и унаследовал от отца это княжество и дал клятву любить и беречь и жену, и свое государство, а вместо того он предоставил и жену и страну какому-то авантюристу!

– Что из того, что он клялся пред алтарем! – грубо вмешался Фриц. – Верьте принцам! Разве они держат клятвы?

– Он так мало оберегает бедняжку, что отдал ее на произвол всяких случайностей и соблазнов; поэтому она, не видя в нем поддержки и опоры, падает все ниже и ниже, так что самое имя ее вошло в поговорку в грязных шинках и распивочных. А ей еще и двадцати нет! И страну свою он позволяет обременять налогами и поборами, истощать вооружениями и довести до войны.

– До войны? – невольно воскликнул Отто.

– По крайней мере, так говорят, сударь, те, кто следит за тем, что там делается. Ну скажите сами, сударь, разве все это не печально? Разве не обидно, что эта бедняжка по его вине попадет в ад крошечный, да еще при жизни люди станут поносить и проклинать ее; и разве не печально, что такая славная, счастливая страна так дурно управляется и клонится к гибели своей? И заметьте, все вправе жаловаться! Но пусть Господь Бог сжалится над его грешной душой,

потому что много он зла и бед натворил на своем веку.

– Он не сдержал своей клятвы, значит, он клятвopреступник; он берет от государства деньги, а обязанностей своих не выполняет, дела своего не делает, а деньги берет. Это все равно, что он их крадет! – крикнул Фриц.

– А теперь рассудите сами, сударь, – продолжал старый фермер, – справедливо ли люди так дурно думают об этом принце. В частной жизни человек должен быть честен и богобоязнен, а кроме того, наряду с этим есть еще и общественные доблести; но если человек не обладает ни теми ни другими, то, прости его господи, какой же он после этого человек! Даже этот Гондремарк, о котором Фриц такого высокого мнения...

– Да, – вмешался Фриц, – Гондремарк настоящий человек! Как раз такой, каких нам надо. Я желал бы, чтобы у нас в Герольштейне выискался такой человек.

– Нехороший он человек, – сказал старик, качая головой, – дурной, скверный человек, скажу я, и никогда еще не было положено доброе начало нарушением заповедей Божьих. Но в этом я с тобой соглашусь, Фриц, – это человек, который работает не покладая рук и не даром берет то, что имеет.

– Говорю вам, что в нем вся надежда Грюневальда! – заявил Фриц. – Он, быть может, не удовлетворяет некоторым вашим старозаветным, строгим требованиям, потому что он вполне современный человек, человек просвещенный, человек прогресса! Кое в чем он, конечно, поступает не так, как следует. Но кто же не бывает не прав? Не только интересы народа близки ему; он во всем стоит за народ и его права! И заметьте, сударь, вы, который, как я вижу, тоже либерал и враг всяких ихних правительств, помяните мое слово, – настанет день, когда из Грюневальда прогонят этого пустоголового бездельника и лентяя принца и эту пухлолицую Мессалину принцессу и выпроводят их задом наперед через границу на все четыре стороны, а барона Гондремарка провозгласят президентом. Я был на митинге в Бранденау, и миттвальденские делегаты говорили это от лица пятнадцати тысяч грюневальдских граждан. Пятнадцать тысяч человек, зарегистрированных, сформированных в бригады, и все с медалями на шее в качестве знака объединения, и все это, можно сказать, создал Гондремарк...

– Да, сударь, теперь вы сами видите, к чему это ведет. Сегодня безумные речи, а завтра безумные действия и поступки! – сокрушенно проговорил старик. – Несомненно одно, что этот Гондремарк стоит одной ногой при дворе, на дворцовой задней лестнице, а другой – в масонских ложах и выдает себя за то, что в наше время называют «патриот». И этот выходец из Восточной Пруссии слывет грюневальдским патриотом!!!

– «Выдает себя»! – воскликнул почти свирепо Фриц. – Нет, он и есть патриот на самом деле! Он сложит с себя титул, как только будет провозглашена республика! Это он заявил всем, как я слышал на митинге.

– Да, он сложит с себя баронство, чтобы принять президентство, – пробормотал старик, – царь-бревно и царь-аист в лягушачьем царстве! Ты больше моего проживешь на свете, ты еще увидишь плоды всей этой затеи.

– Батюшка, – прошептала Оттилия, дергая старика за рукав, – наш гость, как видно, нездоров.

– Бога ради, простите меня, сударь, я вижу, вам не по себе... Не могу ли я предложить вам чего-нибудь? – спросил хозяин.

– Нет, благодарю вас; я только страшно утомлен, – ответил Отто, – я слишком понадеялся на свои силы, как я вижу, и буду вам очень признателен, если вы дадите мне где-нибудь постель, чтобы переночевать.

– Оттилия, дай свечу! – скомандовал Готтесхейм. – Вы в самом деле очень бледны, сударь; быть может, вы бы выпили немного подкрепительного на ночь? Нет? Ну, в таком случае потрудитесь следовать за мной, я проведу вас в комнату для гостей. Вы будете не первый, хорошо проспавший ночь под моим кровом, – продолжал словоохотливый старик, поднимаясь по лестнице впереди своего гостя. – Видите ли, добрый ужин, стаканчик доброго вина и спокойная совесть да душевная беседа с добрыми людьми на сон грядущий стоят всяких аптекарских снадобий, могу вас уверить. А вот вы и у пристани, сударь, – добавил хозяин, отворяя дверь в маленькую, чисто выбеленную спальню. – Комната не велика, но воздуха в ней много, белье на постели чистое и хранится всегда в лаванде, и окно выходит прямо на реку, а журчание речки, поверьте мне, лучше всякой музыки. Она напевает нам все одну и ту же песню, но песня эта никогда не приедается, как музыка любого скрипача. Под ее звуки мысли

уносятся далеко и в конце концов действуют на человека так же успокоительно, как молитва. Итак, позвольте мне проститься с вами до завтра, сударь, и от души пожелать вам, чтобы вы проспали эту ночь, как принц.

И после двадцатого вежливого поклона старик наконец удалился, оставив своего гостя одного.

Глава 3

Принц утешает и старость и красоту и преподает урок скромности в любви

На другой день принц поднялся и вышел из дома, когда птицы только что начали петь, когда воздух был чист и спокоен, а лучи солнца едва скользили вкось и по траве, и по деревьям, и тени были длинные-длинные и ложились далеко вперед по земле. После мучительно проведенной ночи прохлада раннего утра действовала успокоительно и живительно. Украсть часок у своих спящих братьев, быть, так сказать, Адамом нарождающегося дня, – это вносило радость и бодрость в душу принца, который теперь дышал глубоко, полной грудью, шагая по мокрой от росы траве рядом со своей тенью и останавливаясь, чтобы вдыхать аромат раннего утра. Огороженная изгородью дорожка вела вниз под гору к потоку. Этот поток был бурливой горной речкой, которая подле самой фермы низвергалась с небольшого обрыва бурным водопадом вниз в большую лужу, или бассейн, где она бурлила и клокотала и расходилась кругами. Из середины этого самородного бассейна, или лужи, торчал, словно зуб изо рта, наклонный утес, врезающийся мысом в самую середину бассейна; сюда-то и взобрался Отто, сел и погрузился в свои мысли.

Вскоре солнце поднялось выше и, пробиваясь сквозь паутину ветвей и мелких листочков, склонившихся над водопадом наподобие воздушной зеленой арки деревьев, озолотило и испестрило своими бликами это своеобразное ложе. Те же золотые лучи проникали глубоко в стремительно низвергающуюся водяную струю и зажгли на вершине ее светящуюся и сверкающую, как алмаз, точку или искру. Становилось жарко там, где сидел Отто; десятки светящихся точек зажглись теперь и в бурлящей и крутящейся луже, или бассейне, у подножия скалы и дрожали и плясали на воде, как светящиеся мухи; но брызги водопада освежали воздух, как колышущийся занавес.

Отто, который устал от волнений и был измучен осаждавшими его со всех сторон призраками раскаяния и ревности, сразу влюбился в этот испещренный солнцем, неумолчно говорливый уголок. Он сидел и смотрел на этот водоворот как сквозь сон, дивясь и любясь, размышляя и теряясь в своих мыслях, расплывчатых и смутных, как эти круги на воде. Ничто так близко не олицетворяет в наших глазах свободную волю, как бессознательно рвущаяся вперед и мечущаяся в водовороте порогов река, в сущности, покорно следующая своим законам, в силу которых вода в том или ином месте обходит или побеждает препятствия, встречающиеся на ее пути. Мы видим в ней как бы борьбу человека с его судьбой, и, по мере того как Отто, всматриваясь в эти встречные противоборствующие течения, вслушивался в этот непрерывный шум воды, он становился все сонливее и уходил все глубже и глубже в себя. Этот водоворот и он были одинаково бесполезны и никому не нужны; этот водоворот и он одинаково натыкались на препятствия на своем пути и были одинаково прикованы неосязаемыми влияниями, невидимыми узами к этому уголку Вселенной. И он, и этот водоворот несли одно проклятие, разделяли одну судьбу!

Вероятно, он уснул, потому что его разбудил чей-то голос.

– Сударь! – окликала его дочь старика Готтесхейма, и при этом она, казалось, сама испугалась своей смелости. Она делала ему какие-то знаки с берега. Это была простая, здоровая и счастливая девушка, добрая и чистосердечная, обладающая той особой деревенской красотой, которую создают довольство, беззаботность и здоровье; но на этот раз ее смущение придавало ей особую прелесть и привлекательность.

– С добрым утром, – сказал Отто, идя к ней навстречу. – Я встал рано, пришел сюда помечтать и задремал.

– Ах, сударь! – воскликнула она. – Я хочу просить вас пощадить моего отца; я уверяю ваше высочество, что, если бы он знал, кто вы, он скорее откусил бы себе язык! И Фриц тоже; как он раскипятился! Только у меня зародилось маленькое подозрение, и, встав поутру, я пошла в конюшню и там увидела корону вашего высочества на стремянах у вашего седла. Но, сударь, я уверена, что вы простите их, потому что они перед вами ни в чем не повинны.

– Милая, – сказал Отто, которого это забавляло и которому льстило доверие девушки, – во всем этом виноват я; мне не следовало скрывать своего имени и вызывать их на этот разговор обо мне; и теперь я должен просить, чтобы вы сохранили мою тайну и не выдали меня и чтобы вы простили мне мой маленький обман. А что касается ваших опасений, то ваши друзья здесь в полной безопасности, в своем Герольштейне и даже на моей земле, потому что вы слышали вчера, как мало я значу у себя в княжестве.

– Ах, сударь! – воскликнула она, приседая. – Я бы этого не сказала; я знаю, что егеря все до единого рады были бы умереть за вас!

– Счастливый принц! – воскликнул саркастически Отто. – Но хотя вы из вежливости не хотите сознаться, вы много раз имели случай слышать, что я – одна только личина принца. Еще вчера мы это слышали здесь. Вы видите вон эти тени, что дрожат там, на утесе, среди водоворота; так вот, принц Отто – эта колеблющаяся тень, а та несокрушимая скала – Гондремарк! Да, если бы они напали вчера так на Гондремарк, дело было бы плохо; но, к счастью для него, молодой парень его – ярый приверженец и почитатель, а что касается вашего отца, то он человек разумный и превосходный собеседник, и я готов чем угодно поручиться, что он человек честный и правдивый.

– О да, ваше высочество, он честный и справедливый! – воскликнула девушка. – И Фриц тоже честный, – добавила она, – а относительно того, что они вчера говорили, то все это была одна пустая болтовня и глупости. Когда деревенские люди начнут болтать, так они сами не знают, что болтают, лишь бы только болтать себе и другим на потеху; они даже не думают о том, что они говорят; и если вы доедете до ближайшей фермы, то, наверное, услышите все такое же про моего отца.

– Нет-нет, – возразил Отто, – в этом вы заходите слишком далеко, потому что все, что было сказано про принца Отто...

– Было возмутительно! – воскликнула девушка.

– Не возмутительно, а справедливо, – сказал Отто. – Да, справедливо; я действительно таков, как они говорили, и даже хуже!

– Никогда! – горячо запротестовала Оттилия. – Так вот вы как это принимаете! Ну, из вас никогда бы не вышло доброго солдата. Если меня затронут, то я вскочу и дам сдачи! Да еще как! Я себя в обиду не дам, я стану защищаться! Ни за что я не допущу, чтобы другой человек мне на мою вину указывал, даже и тогда, когда бы эта вина у меня на лбу была написана! И так должны поступать и вы, если вы хотите пережить все это. Но, право, я никогда еще не слыхала ничего глупее! Мне думается, что вам было стыдно за себя! Так вы лысый, не правда ли? А?

– О нет, – сказал Отто и весело рассмеялся. – В этом я могу оправдаться; лысым я еще никогда не был.

– Красивый вы и хороший, – убеждала его девушка. – Ведь вы знаете, что вы добрый и хороший, и я заставлю вас самого сказать это всем в глаза! Простите меня, ваше высочество, но это не из неуважения к вам, вы это знаете, и вы знаете тоже, что вы хороший.

– Ну что же я, по-вашему, должен сказать? – спросил Отто. – Я вам скажу вот что: вы повариха, вы прекрасно готовите, пользуюсь случаем поблагодарить вас за превосходное вчерашнее рагу; но, скажите мне, разве вам не случилось видеть, как прекраснейшая провизия до того изгаживается неумелыми стряпухами, что блюда в рот взять нельзя? То же самое можно сказать и про меня; я, быть может, хорошая провизия, но блюдо из меня получилось никуда не годное! Я все равно, что сахар в салате! Короче говоря...

– Мне все равно, я знаю только, что вы хороший, – проговорила Оттилия, слегка вспыхнув, потому что не поняла его сравнения.

– Хорошая вы, а не я, – сказал Отто.

– Ах, это все про вас говорят, что язык у вас такой льстивый, что вы хоть кого обойдете, – укоризненно промолвила она. – Нехорошо это!

– Вы забываете, что я человек средних лет, чуть ли не старик, – засмеялся принц.

– А если сказать вам правду, когда вас слушаешь, то можно подумать, что вы еще мальчик; и хоть вы принц, но, если бы вы пришли мешать, когда я стряпаю, я пришила бы салфетку к вашим фалдам! Да! Боже мой, простите меня, ваше

высочество, но у меня что на уме, то и на языке! Я ничего поделаться с собой не могу! – добавила девушка, застыдившись.

– И я также! – воскликнул принц. – И на это именно все они и жалуются.

Они походили на двух влюбленных; хотя шум водопада, походившего на хвост белого коня, заставлял их говорить громче, чем обычно говорят влюбленные, но тем не менее для ревнивого глаза, который мог бы видеть их сверху, их веселые лица, шуточный тон и близость могли показаться подозрительными. И чей-то грубый голос из-за кустов терновника стал звать Оттилию по имени. При этом она вдруг изменилась в лице.

– Это Фриц! – сказала она. – Мне надо идти.

– Идите, милая, идите с миром и будьте спокойны; надеюсь, вы успели убедиться, что при ближайшем знакомстве я не грозен и не свиреп, – сказал принц и красивым жестом руки милостиво отпустил свою собеседницу.

Оттилия вскарабкалась вверх по берегу водопада и скрылась в кустах, но перед тем еще раз остановилась, обернулась назад и, вся зардевшись, сделала торопливый книксен; зардевшись, потому что она за это время забыла и опять припомнила о высоком сане гостя.

Отто вернулся на свое прежнее место на утесе, но настроение его теперь было совсем иное. Солнце светило сильнее на разлив, и на его волнующейся и крутящейся поверхности голубое небо и зеленая листва, отражаясь, дрожали и рябили, как причудливые арабески. Маленькие крутняки и водовороты теперь как будто повеселели и смеялись, глядя на небо; красота самой долины прельстила принца; это чудесное местечко было так близко от его границы и все же за ее пределами. Его никогда не радовало обладание тысячами прекрасных вещей, принадлежавших ему, а теперь он сознавал, что завидует тому, что принадлежит другому. Правда, это была улыбающаяся, любительская зависть, но все же это была зависть. Это была в миниатюре зависть Ахава к винограднику[4 - ...зависть Ахава к винограднику... – Ахав – израильский царь с 925 по 903 г. до н. э., действующее лицо Ветхого Завета. Согласно Библии, страстно желал приобрести расположенный рядом с его дворцом виноградник, хозяин которого наотрез отказался его продать. Тогда жена Ахава обвинила хозяина виноградника в богохульстве, за что тот был казнен, и виноградник

перешел в собственность Ахава.], и он почувствовал облегчение, когда увидел приближающегося Киллиана Готтесхейма.

– Надеюсь, сударь, что вы хорошо почивали под моим кровом, – сказал старый фермер.

– Я люблюсь этим прекрасным местечком, где вы имеете счастье жить, – заметил Отто, избегая прямого ответа.

– Дико здесь и по-сельски просто, – отозвался старик, осматриваясь кругом с видимым умилением. – Хороший уголок, – продолжал он, – и земля превосходная, жирный чернозем, глубокий чернозем. Вам бы следовало посмотреть мою пшеницу; у меня там десять акров[5 - Акр – единица площади в английской системе мер; равен 0,4047 га.] полей. Ни одна ферма в Грюневальде или в Геролынтейне не сравнится с Речной фермой. Здесь земля родит сам-шестьдесят, сам-семьдесят; ну, конечно, это отчасти и от обработки зависит.

– А в реке вашей есть рыба? – спросил Отто.

– Настоящий рыбный садок, сударь! – ответил фермер. – Что и говорить, хорошее местечко; здесь даже хорошо тому, у кого есть свободное время посидеть и послушать, как шумит поток, и посмотреть, как крутится водоворот в разливе, а зеленые ветки деревьев сплетаются над водопадом, да вот как сейчас; когда солнце в них ударяет, самые камни на дне превращаются в самоцветные алмазы! Однако вы уже в таких годах, извините меня, когда надо остерегаться ревматизмов, остерегаться, чтобы они как-нибудь не пристали к вам; между тридцатью и сорока годами, говорят, время посева всяких недугов, а место здесь сырое и холодное, особенно ранним утром, да еще на пустой желудок. С вашего разрешения, я бы посоветовал вам уйти отсюда.

– С большой охотой принимаю ваш совет, – отозвался Отто. – Так вы прожили здесь всю жизнь? – спросил он, идя рядом с фермером.

– Да, сударь, здесь я родился, – ответил старик, – и я желал бы иметь право сказать, что здесь я и умру. Но не мы, а судьба вертит колесо нашей жизни; говорят, что она слепа, но я думаю, мы все пахали эти поля один за другим, все наши имена вырезаны там на садовой скамье: два Киллиана, один Иоганн. Да, могу сказать, в этом моем саду хорошие люди готовились перейти из этой жизни

в новую жизнь. Я отлично помню отца, в его шерстяном вязаном колпаке, бродящим по саду в последний день своей жизни, чтобы еще раз увидеть все эти места. «Киллиан, – сказал он мне, – видишь ты этот дым моей трубки? Ну, так вот – такова и жизнь человека», – и это была его последняя трубочка, и я полагаю, что он это знал. И странное это дело, думается мне, расставаться со всеми этими деревьями, которые он насадил, с полями, которые он вспахал, с сыном, которого он боготворил, и даже с этой старой фарфоровой трубкой с головой турка, изображенной на ней, которую он всегда курил с тех самых пор, когда был еще молодым парнишкой и ухаживал за девушками. Но здесь, на земле, нам не дано пребывать вечно, а там, на небесах, нам засчитываются все наши добрые дела и засчитывается даже больше, чем у нас их было; и это наше утешение. А все же вам трудно будет представить себе, как мне горько думать, что мне придется умирать в чужом месте.

– Но почему же вам это придется? Какие на то причины? – спросил Отто.

– Причины? Причина та, что эта ферма будет продана; продается она за три тысячи, – продолжал старик. – Будь это третья часть этой суммы, то я, не хвастаясь, мог бы сказать, что с моим кредитом и моими маленькими сбережениями я бы мог собрать эти деньги и приобрести эту землю в собственность; но три тысячи крон – это выше моих сил, и, если мне не привалит особое счастье и новый владелец не согласится оставить за мной право обрабатывать эту землю, мне не останется ничего больше, как собрать свои пожитки и убраться куда глаза глядят.

Услышав это, принц еще сильнее захотел обладать этой фермой, и желание это возросло по одной причине. Если все, что он слышал, правда, то Грюневальд становился ненадежным для него местом и на всякий случай не мешало приготовить себе убежище; а если так, то где мог он найти более очаровательное местечко для своего отшельнического житья? Кроме того, старик Готтесхейм вызывал у него чувство жалости, а каждый человек в глубине души не прочь при случае разыграть роль Провидения, хотя бы театрального.

А помочь горю старого фермера, так жестоко и беспощадно отчитавшего его вчера, – разве это не являлось благороднейшей оплатой добром за зло? При этом мысли Отто как-то прояснились, и он стал смотреть на себя с большим уважением, чем вчера.

– Я думаю, что могу подыскать покупателя, который продлит вам срок аренды и будет и впредь пользоваться вашими трудами для обработки фермы, – сказал он.

– В самом деле? – воскликнул старик. – Если так, я вам буду очень признателен, потому что, видите ли, сколько бы человек ни приучал себя к безропотной покорности в течение всей жизни, как и к лекарствам, он все же под конец жизни не полюбит ни того ни другого.

– Составляя запись о продаже, – сказал принц, – вы можете вставить в нее условие насчет права пожизненной аренды этой фермы.

– Может быть, ваш покупатель, сударь, не будет ничего иметь против перенесения этого права аренды на моего племянника? Фриц хороший работник.

– Фриц молод, – сказал сухо принц, – он сам должен заработать, что ему нужно, а не наследовать готовое.

– Он долго работал на этой ферме, сударь, – настаивал старик, – а при моих преклонных годах – мне уже семьдесят восемь лет было прошлой осенью – владельцу фермы пришлось бы думать о том, кем меня заменить, когда меня не станет. Прямой расчет обеспечить себя готовым работником, и я полагаю, что пожизненный срок аренды мог бы прельстить Фрица.

– У этого молодого человека очень шаткие взгляды, как я мог заметить, – так же сухо парировал принц.

– Но, быть может, покупатель... – начал было Готтесхейм.

Яркие пятна гневного румянца вспыхнули на щеках Отто.

– Покупатель – я! – подчеркнул он.

– Я мог бы это сразу предположить, – промолвил старик с почтительным, степенным поклоном старого человека. – Вы осчастливили старика, сударь, и я могу сказать, что, сам того не зная, я принял ангела в свой дом, и если бы великие мира сего, я разумею под этим людей, занимающих высокое положение,

если бы они обладали таким же добрым сердцем, как вы, как бы много добра они могли сделать для бедных и какую любовь к себе они зажгли бы в их сердцах.

– Я бы на вашем месте не судил их так строго, – сказал Отто. – Мы все имеем свои слабости.

– Ваша правда, сударь, – отозвался старик. – Не соблаговолите ли сказать мне, как я должен именовать моего благодетеля и будущего владельца фермы?

Под впечатлением воспоминания об англичанине путешественнике, которого он на этих днях принимал у себя при дворе, и о другом старом шутнике-англичанине, которого он знал в своей юности, принц назвал себя Трансом.

– Я англичанин, досужий путешественник, – сказал он. – Сегодня у нас вторник; в четверг, перед полуднем, деньги будут приготовлены, и мы с вами встретимся в Миттвальдене, в гостинице «Утренняя звезда». Будьте аккуратны, я вас буду ждать.

– Я во всем верен, сударь, и всегда к вашим услугам, – сказал фермер. – Англичане – великие путешественники, что мы все знаем, но в почве ваша милость знает толк?

– Я когда-то прежде интересовался этим, – сказал принц, – конечно, не в Герольштейне, но судьба, как вы сказали, вертит колесо нашей жизни, и я хотел бы быть предусмотрителен.

– Вы совершенно правы, сударь, – одобрил его Киллиан Готтесхейм. – Желаете взглянуть на поля?

Они шли не спеша, но тем не менее подошли уже к самому дому и подымались по огороженной изгородью дорожке на равнину, где расстилались луга. Несколько впереди их слышались голоса, которые теперь, по мере их приближения, становились громче и отчетливее. И в тот момент, когда они поднялись к дому, они увидели Фрица и Оттилию на некотором расстоянии от себя. Он был мрачен, и лицо его пылало гневом, а слова свои он выкрикивал хриплым от раздражения голосом и, как бы подчеркивая их, ударял кулаком одной руки по ладони другой. Она стояла поодаль, раскрасневшаяся,

негодующая.

– Боже мой! – сказал старик и сделал вид, будто собирается свернуть в сторону. Но Отто пошел прямо к ссорившимся, полагая, что он отчасти причастен к их ссоре. Как только Фриц увидел принца, он тотчас же принял еще более грозный и вызывающий вид.

– А, тут вы и есть! – крикнул он, когда Отто подошел достаточно близко для того, чтобы можно было свободно разговаривать. – Вы мужчина, и вы должны мне ответить. Что вы там делали? О чем вы двое шептались там в кустах? И подумать только, – воскликнул он, обращаясь к девушке, – что я тратил свое чувство на такую, как ты!

– Прошу извинения, – вставил Отто, – вы, кажется, обращались ко мне. По какому праву, позвольте вас спросить, требуете вы от меня отчета в поведении этой девушки? Кто вы ей, отец, брат, супруг?

– Эх, сударь, вам прекрасно известно, что мы с ней дружим, – заявил молодой крестьянин. – Я ее люблю, и она на пути к тому, чтобы полюбить меня; но всему этому я положу конец, все пойдет насмарку! Пускай она это знает, потому что у меня тоже есть своя гордость.

– Как я вижу, молодой человек, мне придется объяснить вам, что такое любовь, – сказал Отто. – Любовь – это чувство меры, нежность и доброта. Весьма возможно, что у вас есть своя гордость, но почему же вы не допускаете, что и у нас она тоже есть? Я не говорю о себе, но, вероятно, если бы кто-нибудь вздумал так страстно отнестись к вашим собственным поступкам, вы бы тоже нашли лишним отвечать на подобные вопросы.

– Все это отговорки и увертки! – воскликнул Фриц. – Вы прекрасно знаете, что мужчина – это мужчина, а женщина – всего только женщина! И это во всем свете так. Я теперь спрашиваю вас, спрашиваю еще раз и, как видите, стою и жду ответа.

– Я уверен, что, когда вы основательнее изучите либеральные доктрины и лучше поймете это учение, – сказал принц, – вы в значительной мере измените свои понятия. У вас, мой юный друг, нет чувства меры и сознания своих и чужих прав; вы установили какие-то особые мерки для женщин – другие для мужчин, какие-

то особые для принцев – другие для фермеров. Вы невыразимо строги и беспощадны к принцу, который небрежно относится к своей жене, но почему же вы миритесь тогда с влюбленным, который оскорбляет свою возлюбленную? Вы употребили слово «люблю», но мне кажется, что эта молодая особа была бы вправе просить вас избавить ее от подобной любви, потому что, если я, чужой человек, позволил бы себе десятую долю той грубости и невежества, какие вы себе позволили по отношению к ней, вы были бы вправе проломить мне за это голову; это было бы даже вашей обязанностью, так сказать, оградить и защитить ее от подобной грубости и дерзости. А теперь вы должны прежде оградить ее от себя самого.

– О, – вмешался Готтесхейм, стоявший все время и слушавший, заложив руки за спину, – да ведь это святая истина! Против этого ничего сказать нельзя.

Даже Фриц был смущен этим невозмутимым спокойствием и благородством манер принца, и у него возникло чувство своей вины, а упоминание о либеральных доктринах совершенно обезоружило его.

– Пусть так, я был груб и сознаюсь в этом, – сказал Фриц. – Я не хотел ничего дурного и не сделал ничего такого, на что я не имел бы законного права, но я выше всех этих старых предрассудков, и если я был резок в разговоре с ней, я прошу ее простить меня.

– От души прощаю, Фриц, – сказала Оттилия.

– Но все это не ответ на мой вопрос! – крикнул Фриц. – Я спрашиваю, о чем вы двое там шептались? Она говорит, что обещала не говорить. Пусть так, но я все-таки намерен узнать. Вежливость вежливостью, но я не желаю быть одураченным, я имею право на справедливость, раз я состою членом общества.

– Если вы спросите господина Готтесхейма, – сказал Отто, – то вы узнаете, что я недаром потратил время сегодня утром; я за это время, после того как встал и обошел эти места, решил купить вот эту ферму. Вот все, что я считаю возможным сказать вам, чтобы удовлетворить ваше любопытство, которое я считаю неприличным и предосудительным.

– Ну, если это было по делу, то и говорить не о чем, – отозвался Фриц. – Хотя я не могу понять, почему вы этого сразу не могли сказать. Но раз вы заявляете, что

покупаете эту ферму, – то мне ничего больше говорить не остается.

– Ну конечно! – убежденно и веско поддержал его в последнем старый фермер.

Оттилия же была гораздо смелее.

– Ну, вот видишь! – торжествующе воскликнула она. – Я тебе говорила, что я за вас ратовала, ну, теперь ты и сам убедился! Стыдись своего подозрительного нрава! Ты бы должен был теперь на коленях просить прощения у этого господина и у меня, вот что я тебе скажу, да!

Глава 4

Принц попутно собирает мнения

Незадолго перед полуднем принц Отто с помощью целого ряда ловких маневров ухитрился незаметно покинуть ферму, избавившись таким образом от полновесных благодарностей старого фермера и от конфиденциальных благодарностей славненькой Оттилии. Но от Фрица не так-то легко было отделаться. Этот молодой политикан, бросая на него таинственные многозначительные взгляды, предложил проводить его до большой дороги, и Отто из опасения новой сцены ревности для бедной девочки не решился отказать ему в этом, но вместе с тем поглядывал на своего спутника не совсем спокойным взглядом и в душе желал, чтобы все это поскорее кончилось. Некоторое время Фриц шел подле его коня молча, пока не прошли уже больше половины предполагаемого расстояния. Тогда Фриц, слегка покраснев, поднял на него глаза и заговорил:

– Скажите, вы не то, что принято называть социалистом? – спросил он принца.

– Нет, я не совсем то, что принято называть этим именем. Но почему вы спрашиваете меня об этом? – удивился Отто.

– Я сейчас скажу вам почему, – ответил молодой парень. – Я сразу же увидел, что вы «красный» и «прогрессист» и что вы только из опасения перед стариком

сдерживались; и в этом вы были совершенно правы: старые люди всегда трусы! Но в настоящее время столько образовалось различных групп, что очень трудно сказать, до какого предела способен дойти данный человек, и потому я не был уверен, что вы один из явно свободомыслящих людей, до того момента, пока вы не намекнули о равноправии женщин и о свободной любви.

– В самом деле? – удивился еще раз Отто. – Но я, насколько помню, не говорил ни слова о подобных вещах.

– Ну конечно! – воскликнул Фриц. – Вы никогда не скажете ни одного слова, которое могло бы выдать вас, вы, что называется, только посея засевали, почву зондировали, как говорит наш президент, но меня трудно провести, потому что я знаю всех агитаторов и все их приемы и знаю все новейшие доктрины; но, между нами говоря, – и при этом он понизил голос, – я сам состою в союзе. Да, я член тайного общества, и вот вам в доказательство и моя медаль. – И он вытащил из-за ворота зеленую ленту, висевшую у него на шее, и протянул Отто оловянную медаль с изображением горящего легендарного Феникса, и надписью «Libertas». – Теперь вы видите, что можете мне довериться, – добавил Фриц. – Я отнюдь не трактирный краснбай, который только языком мелет, я убежденный революционер. – И он умильно взглянул на Отто.

– Я вижу, что вам это доставляет большое удовольствие, – сказал принц. – Но я вам скажу, что самое важное для блага вашей страны – это чтобы вы прежде всего были хорошим человеком. В этом вся сила. А что касается меня, то хотя вы и не ошиблись, полагая, что я причастен к политике, но по натуре своей я непригоден для роли руководителя и боюсь, что я был предназначен для роли подчиненного. Тем не менее каждому из нас приходится кое-чем повелевать, хотя бы своими собственными чувствами и порывами. Молодой человек и мужчина, собирающийся жениться, должен внимательно следить за собой. Положение мужа, как и положение принца, весьма затруднительное положение; и, поверьте мне, как в том, так и в другом очень трудно быть всегда добрым и хорошим. Понимаете вы меня?

– О да, я вас прекрасно понимаю, – отозвался Фриц уныло, опечаленный полученными им сведениями; но затем он снова повеселел, расхрабрился и спросил: – Это вы для арсенала, то есть для склада оружия, покупаете эту ферму?

– Ну, это мы еще увидим, – невольно засмеялся принц. – Но мой вам совет – не слишком усердствуйте, и будь я на вашем месте, я бы до поры до времени никому ничего не говорил об этом.

– О, положитесь на меня в этом отношении! – воскликнул Фриц, опуская в карман полученную крону. – Да вы себя и не выдали ничем! Я заподозрил вас с первого взгляда и ни минуты не сомневался относительно вас. И прошу вас не забыть, что когда вам понадобится проводник, то я к вашим услугам! Я здесь каждый куст, каждую тропинку знаю!

– Не забуду, – сказал Отто и поскакал вперед, внутренне смеясь. Этот разговор с Фрицем чрезвычайно забавлял его; притом он остался весьма доволен и своим поведением во время пребывания на ферме. Многие на его месте, вероятно, не сумели бы так сдерживать себя при подобных условиях, и это сознание радовало Отто, а в довершение всего и воздух, и погода, и сама дорога были прекрасны.

То поднимаясь в гору, то спускаясь широкой белой лентой, пролегла между лесистыми живописными холмами ровная проезжая дорога, ведущая в Грюневальд. По обе стороны дороги стояли красивые ровные сосны, стройные, с молодыми побегами, весело оживляющими их темные ветви, со светлым зеленым мхом около пней, и хотя одни были широкие и раскидистые, а другие тонкие и стройные – все они стояли, словно выстроившиеся на смотр солдаты взяли все разом «на караул». На всем своем протяжении дорога пролегла в стороне от сел и городов, оставляя их то справа, то слева. Там и сям, в глубине зеленых долин, виднелись группы крыш и домов, или же высоко над дорогой, на каком-нибудь выступе горы, уютилась хижина мельника или угольщика. Дело в том, что дорога была международным предприятием и имела в виду только более крупные центры и с мелкими, частными нуждами скромного населения не считалась, вследствие чего и была особенно безлюдна. Только у самой границы Отто встретил отряд своих собственных войск, медленно двигавшихся по пыльной, залитой солнцем дороге. Солдаты узнали его и довольно вяло приветствовали, когда он проезжал мимо них. После того он долгое время ехал в полном одиночестве среди пустого зеленого леса.

Мало-помалу его радостное настроение начинало ослабевать; но собственные мысли стали одолевать его, как туча назойливых жужжащих насекомых, вчерашний разговор приходил ему на память, вызывая тяжелое, щемящее чувство. Он смотрел и вправо и влево, ища развлечения. Немного впереди круто спускался с холма узкий проселок, выходивший на большую дорогу, и по этому

проселку ехал, осторожно спускаясь под гору, всадник. Звук человеческого голоса и близость постороннего человека являлись в данный момент для принца как бы живительным источником в пустыне; он придержал коня и подождал незнакомца. Этот последний оказался краснокожим, толстогубым крестьянином с парой туго набитых вьюков у седла и большой глиняной флягой у пояса. Он радостно откликнулся на оклик принца непомерно густым и сильным басом и при этом так сильно покачнулся в седле, что принцу стало ясно, что фляга его уже пуста.

– Вы едете в направлении Миттвальдена? – спросил Отто.

– До поворота на Транненбрунн, – ответил незнакомец. – Вы ничего не имеете против компании?

– Я даже очень рад, – ответил Отто, – я поджидал вас в расчете найти в вас попутчика.

Тем временем желанный спутник подъехал почти вплотную и поехал рядом с принцем. Прежде всего его внимание привлекла лошадь Отто, и он удивленно и восторженно воскликнул:

– Ах, черт возьми! Важная под тобой кобыла, приятель! – И, удовлетворив свое любопытство по отношению к главнейшему, он перенес свое внимание на совершенно второстепенное для него – на лицо своего спутника. И вдруг совершенно опешил. – Принц! – воскликнул он и, желая поклониться снова, так сильно покачнулся в седле, что чуть было не вылетел из него на землю. – Прошу простить меня, ваше высочество, что я не сразу признал вас, – пробормотал он.

Принц до того был огорчен этим, что на минуту утратил свое самообладание.

– Раз вы знаете меня, – сказал он, – то нам нет смысла дальше ехать вместе. Я проеду вперед, если вы ничего не имеете против. – И он собирался пришпорить своего коня, когда полупьяный попутчик схватил его лошадь за повод.

– Послушай, ты! – крикнул он дерзко. – Принц ты или не принц, а так нельзя себя держать человеку с человеком! Как? Вы желали ехать со мной инкогнито, когда я не знал, с кем имею дело, потому что рассчитывали заставить меня проболтаться, чтобы выведать что-нибудь, а раз я вас знаю, так вы проедете

вперед, если я ничего не имею против? Шпион! – И весь красный от вина и оскорбленного чувства самолюбия, он словно выплюнул это слово в лицо принцу.

Странное смущение овладело в этот момент принцем. Он понял, что поступил грубо, невежливо, рассчитывая на свое привилегированное положение, а кроме того, к его сожалению, может быть, бессознательно примешивалось и легкое чувство физической робости при виде этого крупного, сильного детины, да еще в таком полусознательном, почти неменяемом состоянии.

– Уберите вашу руку! – сказал Отто достаточно уверенным тоном, чтобы вызвать повиновение, и когда тот, к немалому его удивлению, покорно исполнил его приказание, добавил: – Вы должны были бы понять, любезный, что если я был рад ехать с вами и беседовать с разумным человеком и выслушать его беспристрастное мнение, то, с другой стороны, мне было бы весьма неинтересно услышать от вас пустые и лживые речи, которые вы могли бы преподнести принцу.

– Так вы думаете, что я стал бы лгать ради вас? – крикнул крестьянин, багровея еще больше от возмущения.

– Я уверен, что да, – сказал Отто, вполне вернув себе самообладание. – Вы, наверное, не показали бы мне, например, той медали, которая висит у вас на шее. – Небольшой кончик зеленой ленты торчал из-за ворота у его спутника, и принц сразу заметил его. Перемена в его лице при этих словах Отто произошла разительная: красная пьяная рожа крестьянина покрылась желтыми пятнами, дрожащие мясистые пальцы ухватились за упомянутую ленточку.

– Медаль! – воскликнул он сипло, мгновенно протрезвев. – Нет у меня никакой медали!

– Позвольте, – сказал принц, – я могу даже сказать вам, что у вас изображено на этой медали: горящий Феникс и под ним слово «Libertas».

Озадаченный спутник не в состоянии был вымолвить ни слова, и принц продолжал:

– Удивительный вы, право, человек. – И он презрительно усмехнулся. – Вы возмущаетесь невежливостью человека, которого замышляете убить.

– «Убить»! – запротестовал крестьянин. – Нет, никогда! Я ни за что не пойду на что-нибудь преступное.

– Вы, как видно, очень плохо осведомлены, – сказал Отто. – Участие в заговоре уже само по себе преступно и карается смертной казнью. А кроме того, в данном заговоре замышляется моя смерть, за это я вам поручусь. Но вам нет надобности так ужасно волноваться, ведь я не должностное лицо. Я только скажу вам, что те, кто вмешивается в политику, должны всегда помнить, что у каждой медали есть еще и обратная сторона.

– Ваше высочество... – начал было рыцарь бутылки.

– Глупости! – оборвал его довольно резко Отто. – Вы республиканец, какое вам дело до титулов и до всяких высочеств? Но поедем вперед, коли вы так этого желаете, что пытались даже силой удержать меня; у меня не хватит духу лишить вас моего общества, да и, кстати, я желал задать вам один вопрос: почему вы, будучи столь многочисленны – я знаю, что вас очень и очень много, пятнадцать тысяч человек, да и то еще цифра эта, вероятно, ниже настоящей, – не так ли? Как видите, я недурно осведомлен...

Спутник его молчал, у него словно что-то стояло в горле.

– Почему, спрашиваю я, – продолжал принц, – будучи столь многочисленны, вы не явитесь прямо ко мне и не выскажете мне смело ваших нужд и желаний? Нет, что я говорю! Ваших требований и приказаний, – насмешливо покривился он. – Разве я слышу за человека, страстно привязанного к своему престолу, цепляющегося за него всеми силами, за властолюбца?.. Ну, так придите же ко мне, докажите мне, что вас большинство, и я тотчас же покорюсь вам. Передайте это вашим единомышленникам и уверьте их, от моего имени, в моей полной готовности повиноваться их желаниям; заверьте их, что какого бы они ни были обидного мнения о моих слабостях и недостатках, они, во всяком случае, не могут считать меня больше неспособным для роли правителя, чем я сам считаю себя. Я охотно признаю, что я один из худших государей во всей Европе. Что же могут еще к этому добавить?

– О, я далек от мысли... – начал было крестьянин.

– Смотрите, вы сейчас будете защищать мое правление! – воскликнул Отто. – На вашем месте я бросил бы всякие заговоры, потому что, скажу вам откровенно, вы так же мало годитесь в заговорщики, как я в государи и правители страны.

– Одно только я хочу сказать вам, – вставил заговорщик. – Мы не столько недовольны вами, как вашей женой.

– Ни слова больше! – сказал принц и затем прибавил тоном со сдержанным гневом: – Я еще раз советую вам бросить возиться с политикой, и в следующий раз, когда мне придется встретиться с вами, постарайтесь быть трезвы. Человек, пьяный уже с утра, меньше всего может быть судьей даже и худшего из государей.

– Я действительно выпил шкалик, но я не напивался, – сказал крестьянин, торжественно подчеркивая разницу. – А если бы даже я и напился, что из того? Никому от этого плохо не будет. Но вот моя мельница стоит без дела, и в этом виновата ваша жена. И разве я один обвиняю ее? Обойдите-ка вы кругом да поспрошайте, где все мельницы? Где все молодые ребята, которые должны были бы работать на земле? Где торговые обороты? Все, все решительно парализовано! И по чьей вине? По моей, что ли? Нет, сударь, это дело не ровное! Я страдаю за ваши вины, я расплачиваюсь за них из своего кармана. Я бедный крестьянин, а вы, разве вы страдаете из-за меня? Разве вы платите за мое вино? Пьяный ли или трезвый, я одинаково хорошо вижу, как моя родина гибнет, пропадом пропадает, и вижу также, по чьей вине. Ну а теперь я сказал свое слово, сказал, что у меня было на душе, и вы можете засадить меня в какую угодно гнилую тюрьму, мне все равно! Я сказал правду, и на этом я и буду стоять, а затем не стану долее утруждать ваше высочество своим присутствием.

И с этими словами он придержал свою лошадь, чтобы отстать от Отто, и довольно неуклюже поклонился.

– Заметьте, я не спросил вашего имени и не знаю его, – сказал Отто. – Желаю вам приятного пути.

И, пришпорив коня, он помчался вперед во весь опор. Но как он ни старался заглушить бешеной скачкой неприятное впечатление от этой встречи с мельником, она стояла у него точно кость в горле, которую он никак не мог ни проглотить, ни выплюнуть. Прежде всего он получил упрек в невоспитанности и

закончил тем, что потерпел поражение даже в логике, – и то и другое от человека, которого он считал себя вправе презирать. И все его прежние тяжелые мысли снова нахлынули на него.

В три часа пополудни он доехал до перекрестка, где большую дорогу пересекала дорога, ведущая в Бекштейн, и Отто решил свернуть на эту дорогу и спокойно пообедать в гостинице. Во всяком случае, ничего не могло быть хуже, чем продолжать ехать дальше в подобном настроении.

Тотчас при входе в гостиницу он заметил за одним из столов интеллигентного молодого человека, обедавшего с книгой перед глазами. Так как для Отто поставили прибор почти рядом с этим молодым человеком, то принц, желая завязать знакомство, вежливо извинившись, осведомился у соседа, что он читает.

– Я читаю или, вернее, изучаю последний труд доктора Гогенштоквитца, кузена и библиотекаря нашего Грюневальдского принца. Это человек с большой эрудицией и легким юмором.

– Я знаком с господином доктором, – сказал Отто, – но не успел еще ознакомиться с его книгой.

– Это две вещи, в которых я не могу не позавидовать вам, – вежливо заявил молодой человек. – Вы имеете честь знать доктора и предвкушаете удовольствие ознакомиться с его замечательным трудом.

– Мне кажется, что господин доктор пользуется большим уважением за свои изобличения, не правда ли? – спросил принц.

– Да, отчасти, но главным образом потому, что он является представителем силы ума, – сказал незнакомец. – Кто из нас, из молодых людей, не причастных к придворным интригам, не интересующихся ничем, что есть на свете выдающегося или замечательного, кто из нас, спрашиваю я вас, слышал что-нибудь о его кузене, о принце Отто, хотя он и царствующий государь и властитель судеб своего народа, и наоборот, кто не слышал или не знает о докторе Готтхольде, его скромном библиотекаре? Из этого мы видим, что из всех существующих в мире отличий только умственные качества человека являются нормальным и естественным отличием, которого никто не может оспаривать и

против которого никто никогда не восстает.

– Вероятно, я имею удовольствие говорить с ученым и, быть может, даже с автором известных трудов? – высказал предположение принц.

– До некоторой степени я могу претендовать и на то, и на другое, – сказал молодой человек, подавая принцу свою карточку. – Я лицензиат [б - Лицензиат – одна из младших ученых степеней в западноевропейских университетах.] Редерер, автор нескольких трудов по теории и практике политики.

– Признаюсь, вы меня чрезвычайно интересуете, – сказал принц, – тем более что мы здесь, в Грюневальде, по-видимому, накануне революции, и так как политика является предметом вашего изучения, то я попросил бы вас высказаться на этот счет. Предвещаете вы успех этому движению в данном случае или нет?

– Вы, как я вижу, сударь, совершенно незнакомы с моими политическими трудами и с моими теориями и взглядами, – несколько кисло заметил молодой ученый. – Я убежденный сторонник единоличной власти и не разделяю никаких утопических иллюзий, которыми эмпирики ослепляют себя и доводят до безумия и до отчаяния всяких невежд. Поверьте мне, что время революционных идей прошло или, во всяком случае, проходит.

– Но когда я смотрю вокруг себя... – начал было Отто.

– Когда вы смотрите вокруг себя, – перебил его собеседник, – то вы видите прежде всего людей невежественных; но в лаборатории разумных и обоснованных мыслей, при свете лампы трудолюбия мы начинаем уже видеть иное течение; мы отбрасываем эти элементы и возвращаемся к естественному, природному порядку вещей, к тому, что я назвал бы, пользуясь языком терапевтов, «выжидательным лечением заблуждений». Надеюсь, вы понимаете меня? Мы, конечно, безусловно осуждаем такой порядок в стране, какой мы застаем в настоящее время в Грюневальде, и такого принца, как этот принц Отто, потому что они отстали от века; но средство помочь горю я вижу не в грубых конвульсиях революции, всегда пагубно отзывающихся на организме государства и страны, а в естественном замещении мирным путем нынешнего правителя другим, более способным монархом. Вероятно, я вас очень удивлю, – добавил, улыбаясь, лицензиат, – если выскажу вам мое представление об идеальном монархе; мы, кабинетные ученые, не предназначаем себя в

настоящее время для активной службы одному какому-нибудь народу, потому что новые пути, проводимые нами в жизнь, еще не согласуются с настоящей действительностью, а потому я не желал бы видеть на троне ученого, но я желал бы видеть такого подле трона в качестве постоянного советника Я предложил бы государя со средними умственными способностями, но живого, восприимчивого и чуткого, не столько глубокомысленного, сколько догадливого и сметливого; человека с приятными, предупредительными манерами, приветливого, ласкового и обаятельного, обладающего одновременно способностью внушать к себе любовь и повиновение, умеющего и повелевать и завлекать. Все это время, с того момента как вы вошли, я не переставал наблюдать за вами, и вот что я вам скажу, сударь мой: будь я гражданином Грюневальда, я молил бы небо, чтобы оно вручило правление этой страной именно вот такому человеку, как вы!

– Черт возьми, я уверен, что вы бы это сделали! – воскликнул принц, смеясь.

И лицензиат тоже сердечно рассмеялся.

– Я полагал, что я вас этим очень удивлю, – сказал он. – Заметьте, что это отнюдь не общераспространенный взгляд, во всяком случае не взгляд большинства.

– О, конечно, нет! Могу вам это подтвердить, – сказал Отто.

– По крайней мере, не в настоящее время, – подчеркнул молодой ученый. – Но настанет час, когда эти идеи в свою очередь возьмут верх и станут преобладающими, за это я вам ручаюсь!

– В этом я позволю себе усомниться, – сказал принц.

– Скромность, конечно, всегда достойна похвалы, – прохихикал теоретик, – но могу вас уверить, что такой человек, как вы, имея постоянно под рукой такого человека, как, ну, скажем, доктор Готтхольд, был бы во всех отношениях идеальным правителем для любой страны.

Таким образом, время шло довольно незаметно и не без приятности для Отто, но, к сожалению, лицензиат решил ночевать в Бекштейне, в той гостинице, где он находился, потому что был чувствителен к тряске в седле и пристрастен к частым остановкам. В качестве конвоя или попутчиков до Миттвальдена принцу

приходилось довольствоваться обществом лесопромышленников, прибывших сюда из разных концов Германии и шумно угощавшихся здесь же, за крайним столом, в конце горницы.

Уже совсем стемнело, когда они выехали из ворот гостиницы; принц хотел только одного – уйти от своих собственных мыслей, и потому предпочел такое странное общество полному одиночеству. Лесоторговцы были весьма шумны и веселы; у всех у них были лица, напоминавшие луну во время полнолуния; они шлепали по крупам коней ближайших соседей и, хотя все это были пожилые люди, баловались и забавлялись между собой, как парнишки, под влиянием выпитого пива и вина; они пели песни то поодиночке, то хором, то совершенно забывали о своем спутнике, то вдруг вспоминали о нем, и благодаря этому Отто совмещал общество с одиночеством; он то слушал их нестройные песни и несвязный бессодержательный разговор, то прислушивался к тихим звукам словно зачарованного леса. Звездный полумрак ночи, наполненный ароматами леса воздух, стук копыт скачущих лошадей – все это вместе сливалось в один общий аккорд, действующий успокоительно на его нервы. Он чувствовал себя совершенно благодушно настроенным и уравновешенным, когда вся маленькая кавалькада поднялась на вершину холма, с которого открывался вид на Миттвальден.

Там, внизу, в котловине, поросшей лесом, светились огни города, расположенные правильным рисунком скрещивающихся и пересекающихся улиц; несколько в стороне, справа, совершенно отдельно светился дворец, как какая-нибудь фабрика.

Один из лесопромышленников был уроженцем Грюневальда, но Отто он в лицо не знал.

– А это, – сказал он, указывая своим хлыстом на дворец, – это корчма Иезавели!

– Как вы назвали это здание? – с громким смехом переспросил его другой.

– Да так оно и зовется! – ответил грюневальдец. – А вот послушайте и песенку, что о ней поется, – добавил он и запел полупьяным сиплым голосом песню, которую дружно стали подтягивать и остальные, тоже, по-видимому, уже раньше слышавшие ее, образуя громкий разноголосый хор.

Героиней этой песни являлась ее светлость Амалия-Серафина, принцесса Грюневальдская, а героем постыдной баллады являлся Гондремарк. Краска стыда бросилась в лицо Отто, а в ушах его болезненно раздавались оскорбительные, позорящие его честь слова песни; он резко осадил коня и остался стоять на месте, сидя в седле, как будто его оглушили ударом по голове, в то время как спутники его, продолжая горланить свою песню, уже спускались с горы без него.

Песня эта пелась на крикливый и наглый народный мотив, и еще долго после того, как слова песни перестали быть слышны, каданс напева ее все еще звучал в ушах принца. Он хотел бы бежать от этих звуков, но звуки эти преследовали его. Сейчас справа от него пролегла дорога, ведущая прямо ко дворцу через густолиственные тенистые аллеи старого парка, и он поехал этой дорогой. В жаркое летнее время после полудня этот парк бывал модным местом, где встречались друг с другом местные бюргеры и двор и обменивались взаимными поклонами, но в этот ночной час здесь было темно и безлюдно; только птицы, гнездившиеся на деревьях, не покинули парка, но и те притихли теперь; только зайцы продирались в чаще, шелестя кустами, да там и сям, точно привидения, застыли в своей неизменной позе белые статуи, да там и сям пробуждалось чуткое эхо в каком-нибудь павильоне, являющемся подражанием языческому храму, и, вторя звуку копыт, заставляло нервно вздрагивать пугливую кобылу принца. За десять минут Отто доехал до дальнего конца своего личного дворцового сада, куда выходили конюшни и службы, и въехал на мост, ведущий в парк. Часы во дворе били десять, и большие башенные часы на одной из башен дворца вторили им; там, дальше, в самом городе, на городской ратуше и церковных колокольнях тоже били часы. Здесь, у конюшен, все было тихо, слышался только топот коней в конюшне и лязг цепей у привязей. Принц соскочил на землю, и вдруг ему вспомнились слухи о вороватых грумах и конюхах, некогда дошедшие до него и затем давно позабытые, о грумах, крадущих его овес и продающих по дешевой цене, и при этом воспоминании он перешел мост, ведя под уздцы своего коня, подошел к одному из окон во флигеле, в котором еще виднелся огонь, и постучал шесть или семь раз с особой расстановкой, лукаво улыбаясь про себя. На его стук почти сейчас же открыли форточку, и из нее высунулась чья-то мужская голова.

– Сегодня нет ничего, – проговорил таинственно голос.

– Принеси фонарь, – сказал принц.

– Господи боже милостивый... да кто же это?! – воскликнул грум.

– Это я, принц Отто, – отозвался принц. – Принеси фонарь, уведи мою лошадь и впусти меня в калитку сада.

Но злополучный грум стоял, не трогаясь с места, не издав ни звука и держа голову высунутой в форточку.

– Его высочество! – пролепетал он наконец. – Почему ваше высочество изволили так странно стучать? – осмелился он спросить.

– Почему? Потому что здесь, в Миттвальдене, существует поверье, что это удешевляет цену на овес, – сказал Отто.

Грум издал какой-то звук, похожий на рыдание, и скрылся. Когда он вернулся с фонарем, то даже при его слабом свете бледность его бросалась в глаза, и руки его сильно дрожали, когда он распутывал поводья, чтобы отвести лошадь в конюшню.

– Ваше высочество, – начал он снова умоляющим голосом. – Бога ради... – И он не договорил, подавленный сознанием своей вины.

– Бога ради что? – спросил весело Отто. – Бога ради, позвольте нам дешево продавать овес?.. Да?.. Ну а пока – спокойной ночи! – сказал он и, прикрыв за собой калитку, пошел садом ко дворцу, оставив грума совершенно ошеломленным и недоумевающим.

Сад в этом месте спускался рядом каменных террас к пруду с рыбами, а по ту сторону его снова поднимался пологим подъемом вверх, где над купами кустов и деревьев возвышались крыши и башни дворца. Украшенный колоннами фасад, балльные залы и громадная библиотека, а также и апартаменты их высочеств с высокими, ярко освещенными окнами были обращены в сторону города и выходили на большую дворцовую площадь; сюда же, в сад, выходила старинная

часть здания с небольшими окошками, и весь этот фасад тонул во мраке; только кое-где в разных этажах скромно светилось несколько окошек. Сюда выходила и высокая старая башня дворца, суживавшаяся кверху с каждым этажом, наподобие огромного телескопа, и на ее верхушке неподвижно висел на высоком флагштоке большой флаг, казавшийся теперь черным. Сад тонул во мраке, только на лужайках звездный свет проливал свое трепетное сияние; в воздухе пахло дикими фиалками, и кусты как будто толпились под темными арками высоких деревьев. По правильно распланированным террасам и вниз по мраморным ступеням лестниц быстро сбегал принц, как бы убегая от своих собственных мыслей. Но увы! – от них он нигде не мог укрыться, нигде не мог найти спасения. И теперь, когда он был уже на половине спуска, до него стали доноситься порывами отдаленные звуки бальной музыки из большого бального зала, где теперь веселился двор, где весело болтали и танцевали. Звуки музыки доносились сюда слабыми обрывками мотивов, но они будили в нем воспоминания, и между этими звуками бальной музыки, заглушая ее по временам, в его ушах звучали звуки той возмутительной песни лесоторговцев. И вдруг у него на душе стало так беспросветно темно, так горько, что он на мгновение остановился и не знал, идти ли ему дальше или нет. Вот он возвращается домой; жена его танцует, а он, муж ее, сыграл злую шутку со слугой, и все как будто благополучно, а между тем они успели стать притчей во языцах для своих подданных, и никто не обратится к нему не только с любовью, но даже и с уважением! Такой принц, такой муж, такой человек, как этот Отто! И он невольно ускорил шаги, словно хотел укрыться от всех этих упреков за крепкими стенами своего дворца.

Несколько ниже он наткнулся на часового, но тот пропустил его, не заметив. Зато немного дальше другой часовой его окликнул, а когда он переходил мост, перекинутый через пруд, офицер, обходивший караулы, еще раз остановил его. Ему показалось, что видимость караульной службы была на этот раз более подчеркнутая, чем обыкновенно, но всякое чувство любопытства совершенно умерло теперь в его душе, и все эти задержки только раздражали его. Сторож у заднего входа дворца пропустил его и, по-видимому, был удивлен, увидев его столь расстроенным; но принц торопливо взбежал по черной лестнице и по задним коридорам и ходам добрался никем не замеченный до своей спальни. Здесь он сбросил с себя платье и бросился в постель, не зажигая огня. А бальная музыка продолжала играть в веселом живом темпе, и за этими звуками ему все еще продолжали слышаться звуки ненавистной песни лесоторговцев и стук копыт их коней, спускавшихся под гору.

Часть вторая

О любви и политике

Глава 1

О том, что произошло в библиотеке

На следующее утро, без четверти шесть утра, доктор Готтхольд уже сидел за своим бюро в библиотеке; подле него стояла чашка черного кофе, а взгляд его блуждал по временам по бюстам писателей, украшавшим библиотеку, и по корешкам бесчисленных книг, в остальное же время он внимательно просматривал то, что было написано им накануне. Это был человек лет сорока, со светлыми, как лен, волосами, тонким, несколько утомленным лицом и умным, блестящим, но несколько потускневшим взглядом. Ложась рано и вставая рано, он посвящал свою жизнь двум вещам: эрудиции, то есть науке, и рейнвейну. Между ним и Отто существовала старинная тайная дружба; они редко встречались, но, когда это случалось, всегда встречались как старые, близкие друзья. Готтхольд, девственный служитель и жрец науки, завидовал своему двоюродному брату всего в продолжение каких-нибудь полусуток – в тот день, когда тот женился, но никогда не завидовал его престолу, его положению и его привилегиям.

Чтение было весьма малопринятое при местном грюневальдском дворе развлечение, а потому длинная, широкая, светлая, залитая солнцем галерея, уставленная бесчисленными шкафами и полками с книгами, бюстами великих людей, именовавшаяся дворцовой библиотекой, в сущности, была личным рабочим кабинетом доктора Готтхольда, где ему никто никогда не мешал. Но в среду утром недолго ему пришлось посидеть над своими манускриптами, так как едва он успел углубиться в свою работу, как отворилась дверь, и в библиотеку вошел принц Отто. Доктор смотрел на него, в то время как он шел по длинной зале и лучи солнца, падая в каждое из высоких сводчатых окон, поочередно обдавали его своим светом и сиянием. Отто казался таким веселым, походка его была такая легкая, красивая, одет он был так безукоризненно, так вылощен, вычищен, изящно причесан, весь такой показной, такой царственно-

элегантный, что в душе его кузена-отшельника даже шевельнулось какое-то враждебное чувство к этой изящной кукле.

– С добрым утром, Готтхольд, – сказал Отто, опускаясь в кресло подле рабочего стола доктора.

– С добрым утром, Отто, – ответил библиотекарь, – я не подозревал, что ты такая ранняя пташка. Что это, случайность или же ты начинаешь исправляться?

– Пора бы, кажется, – ответил принц.

– Не могу тебе ничего сказать на это, – отозвался доктор, – я слишком большой скептик, чтобы давать этические советы, а что касается благих намерений, то в них я верил, только когда был очень молод, ведь они обыкновенно бывают цвета радужной надежды.

– Если обсудить хорошенько, – сказал Отто, думая о своем, – я непопулярный монарх. – При этом он взглянул в окно и спросил: – Ведь так? Непопулярный?

– «Непопулярный»? – повторил за ним доктор. – Ну, тут я делаю некоторое различие. Видишь ли, по-моему, есть несколько видов популярности. – При этом он откинулся на спинку своего кресла и свел руки так, что концы пальцев одной руки коснулись концов пальцев другой. – Во-первых, есть книжная популярность, совершенно безличная и столь же нереальная, как ночной кошмар или видение; затем, есть политическая популярность: это нечто смешанное, и наконец есть твоя популярность – самая личная из всех и самая реальная! В тебя влюбляются все женщины, ты всем им нравишься, тебя боготворят все твои конюхи и лакеи. Зная тебя сколько-нибудь, любить тебя так же естественно, как естественно приласкать хорошенькую собачку, видя ее подле себя. Если бы ты был хозяином лесопильного завода или трактирщиком, ты, наверное, был бы самым популярным гражданином в целом Грюневальде; но как принц ты, конечно, идешь не той дорогой, и то, что ты и сам это сознаешь, вероятно, достойно одобрения.

– Ты полагаешь, что это достойно одобрения?

– Да, вероятно, во всяком случае, это по-философски.

- По-философски, но не по-геройски! - заметил Отто.

- Ну как тебе сказать? Сознать свои ошибки - это, пожалуй, своего рода героизм; но все же это не совсем то, что называлось геройским поступком у доблестных римлян, - усмехнулся доктор.

Принц Отто придвинул свое кресло ближе к столу и, опершись на него обоими локтями, уставился пристальным взглядом прямо в лицо доктора.

- Короче говоря, - спросил он, - ты хочешь сказать, что этого мало, что это еще не геройство?

- Ну, пожалуй, - согласился после некоторого колебания доктор Готтхольд, - если хочешь - да, это еще не геройство. Но ведь ты, кажется, никогда и не претендовал на это, никогда не старался выдавать себя за героя, и это именно та черта, которая мне особенно нравилась в тебе; то, чем я склонен был любоваться в тебе, это именно полное отсутствие в тебе всякого рода претензий. Дело в том, что самые названия различных добродетелей и достоинств звучат настолько заманчиво для большинства людей, что почти все мы пытаемся заявить свое право на обладание ими и стараемся уверить себя и других, что мы совмещаем в себе большинство, если не все, как бы противоречивы они ни были по отношению друг к другу. Почти все мы непременно хотим быть одновременно и отважны, и осторожны, и одновременно похваляемся и своей гордостью, и своей скромностью, и смирением. Почти все, но только не ты! Ты всегда без всяких компромиссов оставался самим собой, и это было прекрасно! Это отрадно было видеть, и я всегда говорил: «Нет человека более чуждого всяким претензиям, чем Отто».

- Претензиям и условиям! - воскликнул принц. - Я всегда был меньше причастен к жизни, чем дохлая собака в своей будке! Но теперь я должен решить вопрос: может ли из меня при большом усилии и самоотречении выйти хотя бы только терпимый правитель и монарх? Да или нет?

- Никогда! - воскликнул доктор. - Брось ты совсем эту мысль! Да и, кроме того, ведь ты же никогда не сделаешь этого большого усилия, дитя мое!

- Нет, Готтхольд, на этот раз ты от меня так легко не отвертишься, - сказал Отто. - Пойми, что если я органически, по самому существу своему непригоден

быть государем, то какое же право я имею на эти деньги, дворец, содержание и стражу? Ведь если так, то я чуть ли не вор! И могу ли я после того применять к другим людям карающий их проступки закон?

– Да-а... я не могу не признать в этом некоторой затруднительности твоего положения, – сказал Готтхольд. – Но ведь все это дело привычки, все это давно вошло в обычай...

– Но разве я не могу постараться стать настоящим правителем этой страны? Разве я не обязан хотя бы попытаться? И при твоём содействии, руководствуясь твоими разумными советами...

– Моими советами?! Что ты, бог с тобой, Отто! – воскликнул доктор. – Боже упаси!

И хотя принцу Отто было теперь вовсе не до смеха, он все же улыбнулся и, смеясь, возразил:

– А вообрази себе, меня вчера уверяли, что такой человек, как я, в дружественном союзе с таким человеком, как ты, в качестве советника, могли бы вдвоем составить весьма удовлетворительное правительство.

– Нет, воля твоя, я не могу себе представить, в каком расстроенном воображении могла возникнуть и родиться на свет подобная нелепая, чудовищная мысль!

– Она родилась у одного из твоих братьев-писателей, у некоего Редерера! – сказал Отто.

– Редерер! Этот молокосос, этот невежда!

– Ты неблагодарен, мой друг, – заметил принц. – Он один из твоих горячих и убежденных поклонников и ценителей.

– В самом деле? – воскликнул Готтхольд, видимо обрадованный. – Во всяком случае, это хорошо рекомендует этого молодого человека; надо будет перечитать еще раз его галиматью. Это тем более делает ему честь, что наши

взгляды диаметрально противоположны. Неужели мне удалось его переубедить? Но нет, это было бы положительно сказочно!

– Значит, ты не сторонник единовластия? – спросил принц.

– Я? Прости господи, да никогда в жизни! – воскликнул Готтхольд. – Я красный! Я ярый красный, дитя мое!

– Превосходно! Это приводит меня как раз к моему очередному вопросу самым естественным путем. Если я так несомненно непригоден для своей роли, если не только мои враги, но и мои друзья тоже с этим согласны, если мои подданные требуют и желают моего низвержения, – сказал принц, – если в самый этот момент готовится революция, то не должен ли я выступить вперед и идти навстречу неизбежному? Не должен ли я избавить мою страну от всех этих ужасов и положить конец всем этим нелепицам и бессмыслицам? Словом, не лучше ли мне отречься от престола теперь же? О, поверь мне, – продолжал принц, – я слишком хорошо сознаю и чувствую всю смешную сторону, всю бесполезность громких слов, – добавил он, болезненно морщась. – Но пойми, что даже и такой принц, как я, не может покорно ждать своей участи, что и у него есть непреодолимая потребность сделать красивый жест, выступить вперед, встретить опасность или угрозу с открытыми глазами, а не выжидать ее, прячась за углом. Отречение, добровольное отречение – это все же лучше низвержения.

– Да какая муха тебя сегодня укусила? – спросил Готтхольд. – Неужели ты не понимаешь, что ты грешной рукой касаешься святая святых философии – «святилища безумия»! Да, Отто, безумия, потому что в пресветлом храме мудрости высшее святилище, которое мы держим сокрытым за семью печатями, полно паутины! Не ты один, а все люди, все решительно, совершенно бесполезны! Природа и жизнь теряют их, но не нуждаются в них, даже не пользуются ими; все это бесплодный пустоцвет! Все, вплоть до парня, работающего в лесу, все совершенно бесполезны! Все мы вьем веревки из песка и, как дети, дохнувшие на оконное стекло, пишем и стираем ненужные пустые слова! Так не будем же больше говорить об этом. Я уже сказал тебе, что отсюда недалеко до безумия.

Готтхольд поднялся со своего места и затем снова сел. Засмеявшись коротким, сухим смешком, он снова заговорил, но уже совершенно другим тоном:

– Верь мне, дитя мое, мы живем здесь на земле не для того, чтобы вступать в бой с гигантами, а для того, чтобы быть счастливыми, кто может, как пестрые цветики на лугу, радующиеся солнцу, и росе, и ветерку, и дождю. Ты мог это, и потому, что ты умел быть счастливым, я втайне любовался тобой, восхищался тобой и радовался за тебя; продолжай же быть счастливым в своей беззаботности, и ты будешь прав! Иди своим путем, твой путь настоящий, поверь мне. Будь весел, будь счастлив, будь празден, будь легкомыслен и отправь всю казуистику к черту! А государство свое и государственные дела предоставь Гондремарку, как ты это делал до сих пор. Он управлялся с ними довольно хорошо, как говорят, и его тщеславию льстит такая ответственность.

– Готтхольд! – воскликнул принц. – Что мне до всего этого? Не в том вопрос, могу ли я быть полезен или бесполезен, как все люди, а дело в том, что я не могу успокоиться от сознания своей бесполезности. У меня только один выбор: я должен быть полезен или быть вреден – одно из двух! Я с тобой согласен, что княжеский титул мой и само княжество мое – чистый абсурд, одна сплошная сатира на правителя, правительство и государство и что какой-нибудь банкир или содержатель гостиницы выполняет более серьезные обязанности, чем я, – пусть так. Но вот, когда я умыл руки от всех этих дел три года назад и предоставил все дела и всю ответственность, всю честь, а также и все радости правления, если таковые существуют, Гондремарку и Серафине, – он с минуту не решался произнести ее имени, а Готтхольд в это время как бы случайно отвернулся и смотрел в сторону, – так что из этого вышло? Налоги! Армия! Пушки! Да ведь все-то княжество похоже на коробочку оловянных солдатиков! А народ совсем обезумел, совсем голову потерял, подогреваемый ложью и несправедливыми поклепами. Даже носятся слухи о войне... Война в этом чайнике, подумай только! Какое страшное сплетение нелепиц и позора! И когда наступит неизбежный конец – революция, то кто будет отвечать за все это перед Богом? Кто будет позорно казнен общественным мнением современников и истории? Кто? Я! Принц-марионетка!

– Мне казалось, что ты всегда пренебрегал общественным мнением, – заметил доктор Готтхольд.

– Да, я им пренебрегал, – мрачно ответил Отто, – но теперь я не пренебрегаю больше. Я становлюсь стар. И кроме того, тут идет речь о Серафине, Готтхольд. Ее так ненавидят, так презирают здесь, в Грюневальде, куда я ее привез и где позволил ей хозяйничать. Я предоставил ей это маленькое княжество, как игрушку, и она сломала ее, эту маленькую игрушку! Прекрасный принц и

прелестная принцесса! Теперь я спрашиваю тебя: в безопасности ли даже сама ее жизнь?

– Сегодня она еще в безопасности, – ответил доктор, – но если ты спрашиваешь меня об этом серьезно, то я скажу тебе, что за завтра я не поручусь. У нее дурные советники.

– А кто они, эти дурные советники? Этот Гондремарк, которому ты предлагаешь мне предоставить эту страну! – воскликнул принц. – Мудрый совет, нечего сказать. Вот тот путь, по которому я шел все эти три последних года, и вот к чему он нас привел. Дурные советники! О, если бы только это одно! Но к чему нам играть друг с другом в прятки, ты ведь знаешь, что о ней говорит молва? Ты знаешь, что это за скандал!

Готтхольд молча утвердительно кивнул, плотно сжав губы и нахмурил брови.

– Ну вот, ты не особенно восторженного мнения о моем поведении как принца и главы государства, но скажи, исполнял ли я свой долг и обязанности как муж? – спросил мрачно Отто.

– Нет-нет, увольь меня от этого! – горячо и мрачно запротестовал Готтхольд. – Как правитель ты можешь быть подвергнут критике; это вопрос общественный, и это совсем другое дело. Я старый холостяк, монах, в супружеских делах я не советчик. Об этом я судить не могу!

– Да я и не нуждаюсь в совете, – сказал Отто, вставая. – Я решительно говорю, что всему этому надо положить конец! – И он стал ходить большими шагами взад и вперед по комнате, заложив руки за спину.

– Ну что же, Отто, помоги тебе Бог! – сказал Готтхольд после довольно продолжительного молчания. – А я ничего не могу, – добавил он, подавляя вздох.

– И что всему этому причиной? – снова заговорил принц, прерывая свое хождение. – Как мне назвать это? Недоверие к себе? Отсутствие веры в себя и в свои силы? Или страх быть смешным? Или ложная гордость, ложное самолюбие? Впрочем, дело не в названии, не все ли равно! Дело в том, что оно привело меня к тому, перед чем я теперь стою, едва смея поверить себе, своим глазам и своим ушам. Мне всегда было ненавистно суетиться, хлопотать и хорохориться по

пустякам, это казалось мне смешным; я всегда стыдился моего игрушечного государства; я не мог примириться с мыслью, что люди могли себе вообразить, что я серьезно верил такому очевидному абсурду! Я не хотел ничего делать такого, что нельзя было делать с усмешкой, у меня было врожденное чувство юмора, мне казалось, что я должен был все понимать и все знать лучше других. То же самое было и с моим браком, – добавил он несколько более хриплым голосом, – я не поверил, что эта девушка могла любить меня, и я не захотел навязывать себя ей; я щеголял своим равнодушием! Что за жалкая картина!

– Э, да у нас с тобой, несомненно, родственная кровь, как я вижу, – вставил свое рассуждение доктор. – Ты здесь сейчас нарисовал меткими чертами образ и характер прирожденного скептика, такого же, каков в душе и я.

– Скептика? Нет, труса! – крикнул Отто. – Малодушного труса! Вот как это называется.

И в тот момент, когда принц выкрикнул эти последние слова с необычайной силой выражения, маленький толстенький старичок, отворивший дверь за спиной доктора, так и застыл на пороге от испуга и неожиданности. С носом наподобие клюва попугая, с плотно сжатыми губами, маленькими выпученными глазками, он казался воплощением формалистики, и в обычных условиях, строго следуя предписаниям своей корпорации, он производил известное впечатление своим видом замороженной мудрости и внушительной строгости в связи с чувством собственного достоинства, но при малейшем нарушении обычного порядка он терялся, руки его начинали дрожать, голос тоже, и в каждом его жесте и движении сказывалась его жалкая беспомощность. А потому теперь, когда его здесь, в библиотеке миттвальденского дворца, где обычно царили гробовая тишина и молчание, озадачила бурная речь принца, обращенная, правда, не к нему, он весь затрясся, вскинул руки кверху как подстреленный и вскрикнул от испуга, как старая женщина:

– О, ваше высочество! Приношу тысячу извинений. Но присутствие вашего высочества здесь, в такое раннее время, в библиотеке!.. Столь необычайного случая я никак не мог предвидеть, ваше высочество, никак не мог ожидать.

– Успокойтесь, господин канцлер, – сказал Отто, – ведь ничего особенного не случилось. Беды в том нет, что вы вошли сюда.

– Я зашел по делу всего на одну минуту; я оставил здесь у доктора вчера вечером кое-какие бумаги, – сказал канцлер Грюневальда. – Если господин доктор соизволит дать их мне, то я не буду долее досаждать вашему высочеству своим присутствием.

Готтхольд отпер один из ящичков своего бюро и, достав из него сверток рукописей, вручил его канцлеру, который собирался уже уйти, предварительно откланявшись с надлежащими церемониями, предписанными этикетом двора, когда принц остановил его.

– Раз уж случай столкнул нас, господин Грейзенгезанг, – сказал Отто, – воспользуемся им, чтобы поговорить.

– Я весьма польщен этой милостью вашего высочества, – залепетал искательно канцлер, – извольте приказывать!

– Прежде всего скажите мне, все здесь было спокойно со времени моего отъезда? – спросил Отто, снова усаживаясь в свое кресло.

– Шли обычные дела, ваше высочество, – ответил Грейзенгезанг, – повседневные мелочи, весьма важные, если их упустить из виду, но совершенно незначительные, раз они приняты к сведению! У вашего высочества, благодарение Богу, усердные и ревностные слуги, свято вам повинующиеся.

– «Повинующиеся»! Что вы говорите, господин канцлер? – возразил принц. – Да разве я когда-нибудь достаивал вас каким-нибудь приказанием? Уж скажите лучше, что эти ревностные слуги любезно замещают меня, это будет больше походить на правду. Но, заговорив об этих повседневных мелочах, будьте любезны указать мне на некоторые из них, так, для примера.

– Да все это правительственная рутина, ваше высочество, от которой ваше высочество так разумно оградили свое время отдохновения, свои свободные часы... – начал было уклончиво Грейзенгезанг.

– Ну, мы пока не станем говорить о моем времени отдохновения и о моих свободных часах, господин канцлер, – сказал Отто, заметно хмурясь. – Потрудитесь перейти к фактам.

– Все обычные дела шли своим чередом, – продолжал сановник, видимо встревоженный и оробевший.

– Положительно странно, господин канцлер, что вы так упорно избегаете ответа на мои вопросы, – сказал принц, глядя на старика строго, почти гневно. – Вы вынуждаете меня предположить с вашей стороны известный умысел в вашей странной медлительности и туманности ваших слов. Я вас спросил, все ли здесь было спокойно в мое отсутствие, сделайте одолжение, потрудитесь ответить мне на этот вопрос.

– Совершенно спокойно, ваше высочество... о, совершенно спокойно! – выпалила старая придворная марионетка эту явную ложь.

– Я это запомню, господин канцлер, – сухо промолвил принц. – Итак, вы заверяете вашего государя, что со времени его отъезда здесь не случилось ничего такого, о чем вы должны были бы донести мне и о чем мне следовало бы быть осведомленным. Превосходно!

– Призываю ваше высочество и господина доктора в свидетели, что ничего подобного я не говорил! – воскликнул Грейзенгезанг. – Подобных выражений я не употреблял.

– Пойдите! – сказал принц и, с минуту помолчав, продолжил: – Господин Грейзенгезанг, вы человек старый, вы много лет служили моему покойному отцу, прежде чем стали служить мне, и мне кажется совершенно несовместимым с чувством вашего достоинства и уважения к моей особе бормотать какие-то извинения и поминутно натекать на ложь, как вы это сейчас делаете. Соберитесь с мыслями и затем сообщите мне ясно и категорически обо всем, что вам поручили скрыть от меня.

Готтхольд тем временем низко склонился над своим столом и, казалось, погрузился весь в свою работу, но временами плечи его приподнимались и колыхались, как от сдавленного смеха. Принц Отто сидел спокойно, пропуская между пальцами кончик своего тонкого платка, и терпеливо ждал.

– Ваше высочество, – начал старый канцлер, – я, право, не умею и не знаю, как вам изложить, так, своими словами, без всяких документов, на которые я мог бы сослаться или опереться, те в некотором роде важные события, которые

выяснились в эти последние дни. Я положительно затрудняюсь... для меня это совершенно невозможно, поверьте мне, ваше высочество, это выше моих способностей.

– Пусть так, – сказал принц, – я не стану осуждать ваш образ действий; я желаю сохранить между нами мирные, дружелюбные отношения, потому что я не забыл, что вы мой старый слуга, что с самых юных дней моих вы всегда хорошо относились ко мне и затем в течение нескольких лет верно служили мне. Помня все это, я готов оставить этот вопрос, на который вы так упорно уклоняетесь дать мне немедленный ответ, до другого времени. Но сейчас в ваших руках бумаги, и я полагаю, что вы, господин Грейзенгезанг, не можете отказать мне в разъяснении сути и содержания их.

– О, ваше высочество, – воскликнул старый канцлер, – это совершенно пустое дело, это, в сущности, просто полицейское дело, и дело чисто административного порядка, ничего общего с государственными делами не имеющее... Это бумаги, конфискованные, то есть отобранные, у одного английского путешественника.

– Отобранные? – спросил Отто. – Каким это образом? Объясните, сделайте милость!

– Вчера вечером сэр Джон Кребтри был арестован, – подняв голову от своей работы, сказал Готтхольд.

– Верно это, господин канцлер? – спросил Отто, мрачно сдвинув брови. – Почему же вы не доложили мне об этом?

– Такая мера признана была необходимой, – уклончиво подтвердил Грейзенгезанг. – Приказ об аресте был формальный, скрепленный на основании полномочий, данных вашим высочеством, вашей властью и вашим именем. Я же в данном случае являлся только подначальным лицом и не имел полномочий препятствовать приведению в исполнение этого распоряжения.

– И мой гость был арестован? А что могло послужить поводом к этому аресту? Под каким предлогом прибегли к подобной мере? Потрудитесь ответить!

Грейзенгезанг мялся.

– Может быть, ваше высочество найдет ответ в этих бумагах? – заметил Готтхольд, указывая концом своего пера на сверток в руках канцлера.

Отто взглядом поблагодарил кузена.

– Дайте мне эти бумаги! – приказал он, обращаясь к канцлеру, глядя на него строго и серьезно.

Но старый царедворец, видимо, колебался и не желал исполнить приказание своего государя.

– Барон фон Гондремарк, – начал он, – взял все это дело в свои руки и принял на себя всю ответственность за него. Я же в данном случае не более чем посланник и в качестве такового не облечен властью передать эти бумаги другому лицу. Эти документы доверены мне... я не вправе нарушить это доверие. Господин доктор, я убежден, что вы не откажетесь выручить меня в данном случае и поддержите меня, не правда ли? Право, я не знаю... но я не имею на то разрешения.

– Признаюсь, я слышал много глупостей на своем веку, господин канцлер, – сказал Готтхольд, – и большую часть из них от вас. Но эта превосходит все остальные!

– Довольно, сударь! – крикнул Отто, встав со своего места и выпрямившись во весь рост. – Дайте сюда эти бумаги. Я вам приказываю!

Канцлер покорно протянул принцу сверток.

– С милостивого разрешения вашего высочества, – залепетал канцлер, – повергая к стопам вашим мои низжайшие верноподданнические извинения, я прошу позволения удалиться и буду ожидать дальнейших приказаний вашего высочества в государственной канцелярии, где меня ждут.

– Видите вы это кресло, господин канцлер? – спросил Отто. – Вот в нем вы будете ожидать моих дальнейших приказаний. А теперь ни слова больше! – крикнул он, видя, что канцлер опять раскрыл рот, чтобы сказать что-то, и властным жестом принц заставил его замереть на месте. – Вы в достаточной мере доказали свое

усердие тому господину, которому вы служите, а мое долготерпение начинает уже утомлять меня, тем более что вы, господин канцлер, слишком злоупотребляете им!

Маленький старичок как будто совсем съежился; он покорно побрел к указанному ему креслу и, не подымая глаз от пола, молча сел, как ему было приказано.

– А теперь, – сказал Отто, развертывая сверток бумаг, – посмотрим, что это такое; если не ошибаюсь, это походит на рукопись книги.

– Да, – сказал Готтхольд, – это и есть рукопись будущей книги путевых впечатлений и наблюдений.

– Вы ее читали, доктор Гогенштоквитц? – спросил Отто.

– Нет, но я прочел заглавный лист, так как бумаги эти мне были переданы развернутыми и при этом никто мне не сказал, что они секретные или содержат чью-либо тайну.

– Так, – сказал принц, устремляя на канцлера строгий гневный взгляд. – Но я того мнения, что в наше время отбирать рукопись у автора, накладывать арест на частные бумаги путешественника в таком незначительном, маленьком государстве, как Грюневальд, положительно смешно и постыдно! Я очень поражен, господин канцлер, что вижу вас при исполнении столь неблагоприятной обязанности: снизойти до того, чтобы принять на себя роль сыщика, воля ваша, этого я от вас не ожидал! А как же иначе прикажете вы мне назвать этот ваш поступок? Я уже не говорю о вашем поведении по отношению к вашему государю, это мы пока оставим в стороне, я только говорю об этих бумагах, которые вы позволили себе отобрать у английского джентльмена, бумагах, представляющих собой частную собственность путешествующего иностранца, быть может, труд всей его жизни! Отобрать, вскрыть и прочесть! Да какое нам с вами дело до них? Мы не имеем, слава богу, *index expurgatorius* в Грюневальде; будь еще это, мы представляли бы собой полнейшую пародию на государство, настоящее фарсовое королевство, которого не сыскать на всем земном шаре!

И, говоря это, Отто продолжал разворачивать рукопись, и когда она наконец лежала раскрытой перед ним, взгляд его упал на заглавный лист, на котором

красными чернилами старательно были выписаны следующие слова:

«Записки о посещении разных европейских дворов

баронета сэра

ДЖОНА КРЕБТРИ»

Далее следовал перечень глав; каждая из них носила название одного из государств современной Европы, и в числе других девятнадцатая, и последняя по порядку, глава была посвящена Грюневальдскому двору.

– А-а, Грюневальдский двор! – воскликнул Отто. – Это должно быть весьма забавное чтение.

Его любопытство было задето за живое, но он не решался дать ему волю.

– Этот методичный старый пес, англичанин, добросовестно писал и заканчивал каждую главу на месте! – заметил Готтхольд. – Я непременно приобрету его книгу, как только она выйдет в свет.

– Интересно было бы заглянуть в нее сейчас, – промолвил Отто нерешительно.

Лицо Готтхольда заметно омрачилось; он отвернулся и стал глядеть в окно.

Но Отто, хотя и понял этот молчаливый упрек доктора, все же не мог устоять против соблазна.

– Я полагаю, – сказал он, неестественно усмехнувшись, – я полагаю, что могу так, вскользь, взглянуть на эту главу.

И с этими словами он поудобнее придвинул кресло к столу и разложил на нем рукопись англичанина.

Глава 2

«О Грюневальдском дворе» – часть рукописи путешественника

«Невольно напрашивается вопрос (так начинал англичанин свою девятнадцатую главу), почему именно я остановил свой выбор на Грюневальдском дворе из числа такого великого множества столь же мелких, столь же бесцветных и развращенных дворов второстепенных и третьестепенных государей Европы. Случайность, скажу я, чистейшая случайность; это вовсе не я выбирал, за меня выбрал случай. Но я не имею ни малейшего основания сожалеть о случившемся, потому что видеть это маленькое общество, изнуряющее себя, истощающее последние свои соки во славу самообмана и своих заблуждений, было не скажу поучительно, но в высшей степени забавно. Благополучно или, вернее, неблагополучно царствующий принц Отто-Иоганн-Фридрих, молодой человек, неудовлетворительно воспитанный, сомнительной храбрости или мужества и без малейшей искорки способностей, допустил себя до полного презрения в общественном мнении. Я с большим трудом мог добиться свидания с ним, потому что он очень часто отлучается из дворца и от двора, среди которого его присутствие и отсутствие остаются одинаково незамеченными, где его роль состоит исключительно в исполнении обязанностей ширмы для амурных дел его супруги. Но наконец при третьем моем посещении дворца мне удалось застать этого государя при исполнении его постыдных обязанностей, с супругой по правую руку и любовником супруги по левую его руку. Он недурен собой, можно даже сказать красив, имеет золотистые волосы, вьющиеся от природы, и при этом большие темные глаза – сочетание, которое, насколько я мог заметить, всегда является признаком какого-нибудь врожденного недостатка, физического или морального; черты лица его не строго правильные, но приятные и привлекательные; нос прямой, красивый, но, может быть, немного более короткий, чем следовало бы, а рот несколько женственный. Манера его одеваться безукоризненна, точно так же, как и манера держать себя; обращение его весьма приятное и располагающее, и говорить он умеет превосходно, выражаясь красиво, элегантно и с большой точностью. Но если заглянуть глубже под эту внешность, то наткнешься на полное отсутствие всяких положительных качеств; это какая-то полнейшая моральная распушенность и легкомысленность и та характерная непоследовательность и неустойчивость в намерениях и действиях, которые являются отличительными чертами периода упадка.

Этот принц хватался бесцельно то за одно, то за другое, но ничего не доводил до конца; он ничем не овладел вполне. «Мне скоро надоедает всякое дело или занятие», – сказал он мне, смеясь, и можно было подумать, что он как будто даже гордится своей неспособностью к чему бы то ни было и хвастает полным отсутствием у него настойчивости и решимости. Результаты его вялого дилетантизма сказываются во всем: он плохо фехтует, он неважный наездник, второстепенный танцор, слабый музыкант и посредственный или, во всяком случае, не первоклассный стрелок. Он и поет, я имел даже случай слышать его, но поет, как ребенок, хотя голос у него мягкий и красивый; кроме того, он еще пишет скверные стихи на весьма подозрительном французском языке. Словом, нет конца всему тому, что этот человек делает, и при этом он ничего не делает хорошо или хотя бы удовлетворительно. Единственное достойное мужчины пристрастие его – это охота. Но в общей сложности это «plexus» бессилия; это поющая на сцене горничная, выряженная в мужское платье и посаженная на цирковую лошадь. Мне случалось видеть этот бледный призрак принца, когда он выезжал один или с несколькими егерями на охоту, не возбуждая решительно ничьего внимания, всеми незамеченный, никому не интересный и никому не нужный, и, признаюсь, мне стало даже жаль этого беднягу, влачащего такую пустую, ненужную и печальную жизнь или, вернее, такое жалкое существование! Вероятно, последний из Меровингов[7 - Меровинги – первая королевская династия, правившая во Франкском государстве с конца V в. до 751 г. Последний представитель этой династии Хильдерик III, ничтожный и безвольный человек, был в 751 г. мирно сменен на троне Пипином Коротким, основателем династии Каролингов.] походил на него.

Принцесса Амалия-Серафина, происходящая из дома великих герцогов Тоггенбург-Таннгейзеров, была бы столь же незаметной и незначительной особой, если бы она не была режущим орудием в руках честолюбца-авантюриста. Она значительно моложе принца, своего супруга, – ей всего двадцать два года, – но она заражена честолюбием, полна претензий, поверхностно умна, а на самом деле в высшей мере безрассудна и неразумна. У нее слишком большие, ярко-карие, очень подвижные глаза на сравнительно миниатюрном личике; глаза искристые, живые и в то же время злые и свирепые, высокий узкий лоб, гладкий и белый, как алебастр, и стройная, несколько сутуловатая фигура. Ее манеры и разговор, густо пересыпанный французскими словами и выражениями, ее вкусы и склонности – все у нее кажется заимствованным; и эта деланность и неестественность ее слишком заметны; вся она, можно сказать, ходульна; это какая-то дешевенькая комедиантка, разыгрывающая Клеопатру![8 - Клеопатра VII (69–30 гг. до н. э.) – египетская царица (с 51 г. до н. э.) из династии Птолемеев. В борьбе за власть и в

дальнейшем ее сохранении не брезговала никакими средствами; отличалась непомерной любовью к роскоши. Не сумев сохранить власть, покончила с собой.] Я бы сказал, что эта женщина совершенно не способна быть правдивой. В частной жизни такие девушки вносят горе и беспорядок в семью, нарушают мир и спокойствие в доме, таскают за собой целый хвост мрачных ухажеров и неизбежно проходят в жизни через один или два развода; это, в сущности, весьма распространенный и весьма малоинтересный, кроме разве только для циников, тип женщин; но на троне такие женщины, да еще если они находятся в руках такого человека, как Гондремарк, легко становятся причиной серьезных общественных бедствий.

Гондремарк – действительный правитель Грюневальда – более сложная фигура; положение его в этой несчастной стране, где он является чужеземцем, крайне ложное, и уже одно то, что он удерживает за собой это положение фактического правителя страны, является, так сказать, чудом ловкости и наглости. Его речь, его внешность и его политика – все в нем двулично: то хвостиком виляет, то головкой кивает, а разобраться, где у него хвост и где голова, положительно нельзя. И надо иметь большую смелость для того, чтобы сказать, что вам вполне удалось разгадать изнанку этого человека. Но я рискну высказать предположение: мне кажется, что, служа двум господам, то есть и правительству и народу в одно и то же время, он придерживается выжидательной политики, нащупывая почву и тут и там, ждет, когда судьба или случай укажет ему легким, едва уловимым намеком, откуда должны посыпаться дары фортуны, – намеком, столь понятным для людей рассудительных и ловких.

С одной стороны, в качестве министра двора при совершенно неосведомленном и ничем не интересующемся принце Отто, пользуясь, с другой стороны, алчущей любви принцессой как орудием и как уздой и обманывая народ, он держится политики неограниченной власти и территориального расширения. Он призвал на военную службу все способное носить оружие мужское население страны; призвал обманом, лживой приманкой; он закупил вооружения, сманил десятки выдающихся офицеров из иностранных армий, суля им золотые горы, и начинает уже в своих международных отношениях принимать аллюры хвастливого выскочки и смутно угрожающий тон забияки-фанфарона. Идея о расширении территориальных владений Грюневальда может казаться абсурдом со стороны, но на самом деле это маленькое княжество расположено крайне благоприятно; все его соседи совершенно беззащитны, и если бы в любой момент раздоры более крупных государств нейтрализовали друг друга, активная политика Грюневальда могла бы легко удвоить и утроить как объемы, так и население маленького княжества. Во всяком случае, в подобную схему верят, и ее

поддерживают при Грюневальдском дворе, и даже я, со своей стороны, не считаю нечто подобное совершенно невозможным. Ведь разрослось же маркграфство Бранденбург из такого же игрушечного государства в весьма грозную державу, и хотя теперь несколько поздно для политики авантюрной, если можно так выразиться, и времена войн как будто миновали, все же не следует забывать, что слепая фортуна вертит колесо судеб и отдельных личностей, и целых народов. Согласно с этими военными приготовлениями и как неизбежное их следствие появляются непосильные налоги, обременяющие население; газеты закрываются из опасений, что они могут раскрыть кое-кому глаза на истинное положение дел, и страна, которая всего каких-нибудь года три назад была богатой и счастливой страной, теперь изнывает в вынужденном бездействии: в промышленности и торговле наблюдается полный застой; золото давно стало здесь невиданной редкостью, а бесчисленные мельницы на бурливых горных потоках стоят неподвижно как заколдованные.

Но, с другой стороны, в качестве народного трибуна этот самый Гондремарк является воплощением свободных идей, он восседает во главе тайных обществ, являясь центральной фигурой организованного грандиозного заговора против правительства. Ко всякого рода освободительным движениям я смолodu питал симпатии, и я очень бы не хотел сознательно произнести такое слово, которое могло бы повредить, затруднить или хотя бы отсрочить момент революции, но чтобы доказать, что все высказанное мной выше не голословно, что я доподлинно знаю то, о чем говорю, а не передаю репортерские сплетни, я могу сказать здесь о том, что я сам лично присутствовал на одном очень многолюдном митинге, где обсуждались потребности республиканского государственного строя, и могу добавить, что этот Гондремарк не только играет во всем этом первенствующую роль, но что и все ораторы без исключения постоянно упоминали о нем как о главе движения, как о предводителе и как о безапелляционном судье в их спорах и разногласиях. Очевидно, что этот ловкий господин внушил одураченным им людям, что его сила сопротивления воле принцессы имеет свои пределы и, в сущности, не особенно велика и что во многом он должен подчиняться ей; но, с другой стороны, при каждом новом взрыве народного негодования против нового проявления самовластия он убеждает народ новыми вескими доводами отсрочить еще на некоторое время момент восстания.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Стивенсон работал над романом «Принц Отто» с перерывами начиная с 1873 г., – больше и, во всяком случае, дольше, чем над любым другим своим романом. По свидетельству биографов, он много раз откладывал книгу, снова к ней возвращался, переписывал некоторые пассажи по девять-десять раз, писал в Калифорнии, Шотландии, Швейцарии и Англии, но так и не добился успеха. В конце концов роман был опубликован в 1885 г.

Действие романа перенесено в вымышленное, опереточно бутафорское государство Грюневальд. По идее автора игрушечное государство должно было стать трагикомическим фоном для личности значительной и незаурядной, составить по отношению к ней контраст одновременно смешной и печальный. Однако и читатели и критики не приняли «Принца Отто» и безоговорочно отнесли его к неудачам автора. Мнение это в значительной степени справедливо: исполнение действительности не возвысилось до уровня честолобивого авторского замысла представить важнейшие проблемы политической и общественной жизни в отвлечении от принижающих и обесцвечивающих обстоятельств английской действительности второй половины XIX в.

2

Менее счастливое чем Польша... – Имеется в виду более чем на 100 лет исчезновение Польши как государства в результате трех разделов Польши в конце XVIII в.

3

Гарун аль-Рашид (763–809) – багдадский халиф с 786 г; типичный восточный деспот: мелочный, завистливый, жестокий. Персонаж «1001 ночи».

4

...зависть Ахава к винограднику... – Ахав – израильский царь с 925 по 903 г. до н. э., действующее лицо Ветхого Завета. Согласно Библии, страстно желал приобрести расположенный рядом с его дворцом виноградник, хозяин которого наотрез отказался его продать. Тогда жена Ахава обвинила хозяина виноградника в богохульстве, за что тот был казнен, и виноградник перешел в собственность Ахава.

5

Акр – единица площади в английской системе мер; равен 0,4047 га.

6

Лиценциат – одна из младших ученых степеней в западноевропейских университетах.

7

Меровинги – первая королевская династия, правившая во Франкском государстве с конца V в. до 751 г. Последний представитель этой династии Хильдерик III, ничтожный и безвольный человек, был в 751 г. мирно смещен на троне Пипином Коротким, основателем династии Каролингов.

8

Клеопатра VII (69–30 гг. до н. э.) – египетская царица (с 51 г. до н. э.) из династии Птолемеев. В борьбе за власть и в дальнейшем ее сохранении не брезговала никакими средствами; отличалась непомерной любовью к роскоши. Не сумев сохранить власть, покончила с собой.

Купить: <https://telnovel.com/robert-stivenson/princ-otto>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)